

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Игорь Москвин



«Смерть  
красавицам»

ИЛИ  
петербургский мститель

«КРЫЛОВ»



Исторический детектив (Крылов)

Игорь Москвин

**«Смерть красавицам» или  
Петербургский мститель**

«Крылов»

2020

УДК 82-31  
ББК 84(2)6

**Москвин И. В.**

«Смерть красавицам» или Петербургский мститель /  
И. В. Москвин — «Крылов», 2020 — (Исторический детектив  
(Крылов))

ISBN 978-5-4226-0366-4

Летом 1909 года в Санкт-Петербурге из Невы выловили труп женщины, зарезанной с особой жестокостью. Вскоре становится ясно, что это только начало, что в столице Российской Империи объявился свой Джек-потрошитель. Санкт-Петербург охватила паника. Столичная полиция начинает розыск убийцы. За дело берется начальник сыскной полиции Филиппов. Задача непростая, никогда прежде полиция с серийными убийцами дела не имела, тут одними осведомителями и облавами в притонах не обойдешься, тут надо понять личность маньяка, разобраться, что побудило его открыть кровавый счёт, и, исходя из этого, просчитать, каким будет его следующий шаг. История розыска первого официального русского серийного убийцы Николая Радкевича – в увлекательном историческом детективе «"Смерть красавицам", или петербургский мститель». Книга рекомендована для чтения лицам старше 16 лет.

УДК 82-31

ББК 84(2)6

ISBN 978-5-4226-0366-4

© Москвин И. В., 2020

© Крылов, 2020

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава первая                      | 6  |
| Глава вторая                      | 16 |
| Глава третья                      | 26 |
| Глава четвёртая                   | 37 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 42 |

**Игорь Владимирович Москвин**  
**«Смерть красавицам», или**  
**Петербургский мститель**

© Москвин И., 2020

© ИК «Крылов», 2020

## Глава первая

### Начало отсчёта

1 июля 1909 года полицейский Семёнов, делая обход, заметил в невиской воде у Калашниковской набережной, как он потом говорил, то ли цветной куль, то ли мешок. Пошёл позвать знакомого сторожа, чтобы тот пособил багром.

Дело было ранним утром, когда солнце ещё не пробудилось на востоке розовеющим светом. Пришлось долго тормозить сторожа – тот вечером принял на грудь лишнюю чарку хлебного вина и спал беспробудным сном, обнимая подушку и причмокивая беззубым ртом.

Обоюдными усилиями начали тащить из реки страшную находку. Вначале показались белые щиколотки, потом икры и ляжки. Подол платья или юбки задрался по пояс.

Переглянулись.

– Баба, – прошептал сторож, пошамкал ртом, – кажись, молодая... – и утёр нос рукавом. Когда утопленницу вытащили и повернули с живота на спину, ахнули оба.

– Мать честная, – начал креститься старик, глядя красными глазами на тело женщины. – Кто ж её так?

Вопрос повис в воздухе.

Лицо, обрамлённое тёмными от воды волосами, было исполосовано десятком тонких глубоких порезов – теперь, в утреннем сумраке, казавшихся неестественно белыми и от этого вызывавших какую-то оторопь.

– Стой здесь, и чтобы мне тут!.. – гаркнул полицейский, погрозив пальцем, и, даже не договорив: «...был безотлучно на месте!», побежал в участок. Надо было бы посвистеть, чтобы явились на зов другие полицейские, но такая мысль не пришла в голову. Страшно оказалось смотреть на исполосованное женское лицо. Происшествие требовало вмешательства вышестоящего начальства. Ежели баба утопла или сама бросилась от тяжёлой жизни в воду, это, так сказать, рядовой случай. А может быть, кто помог, – тогда выходит дело не простого полицейского. На это есть пристав, над ним эта... фу ты, чёрт... сыскная полиция. Прибавил шаг. Хотя порезы на лице явно свидетельствовали, что не сама бросилась в холодную невискую волну эта женщина, довольно молодая, как успел отметить Семёнов.

В столь ранний час в участок никогда не приходило вышестоящее начальство. А беспокоить пристава или его помощника Семёнов не посмел. Снял с головы форменную фуражку, почесал затылок и решил, что околоточный Ильин – тоже начальство, и пусть он решает, кого далее ставить в известность.

Главное – переложить решение со своих полицейских плеч на другие, чуть повыше.

– Семён Лукич!.. – Семёнов робко поскрёб дверь околоточного, зная, что тот услышит только возню, и то в лучшем случае.

Дверь отворила жена Ильина. Перед ней полицейский оробел ещё больше, поскольку знал, что сам околоточный ходит под каблуком этой невысокой худосочной женщины.

– Мне бы Семёна Лукича...

Женщина смерила полицейского взглядом карих глаз, в которых невозможно было ничего прочитать. Крикнула, повернув голову:

– Сёма, тут по твою душу!

Ильин вышел на крыльцо в форменных штанах и нижней белоснежной рубашке, перечёркнутой толстыми подтяжками. В руке у него был кусок пирога.

– А-а, – раздосадовано протянул околоточный, – это ты, Семёнов. Я уж думал... – и не договорил. Откусив от пирога, спросил с набитым ртом: – Что тебе?

- Семён Лукич, – вкрадчиво сказал полицейский, да так тихо, что Ильин вытянул шею.
- Ну, что там стряслось? Опять Коська буянит?
- Не, – помотал головой Семёнов, – бабу утопшую из Невы достали...
- Ну и что? – удивился Семён Лукич, не переставая жевать. – Фу ты, невидаль какая!

Жить дуре надоело, вот и...

– Не, – опять повторил полицейский, – у неё вот так, – он показал на своём лице, – вся морда исполосована то ли ножом, то ли бритвой. Не сама она...

– Вот это не твоего ума дело, есть начальники поумнее тебя. Вот они и решат, что и как.

– Так я ничего, это, – смутился Семёнов, – в мою обязанность входит оповестить вышестоящее начальство о происшествии. Я и докладую.

– Пристава оповестил?

– Так я сперва к вам, своему начальнику.

– Понятно, – скрипнул зубами околоточный. – Бери ноги в руки и беги к... – Ильин запнулся, размышляя, к кому послать этого служивого олуха: к приставу или его помощнику? Начальник живёт дальше, так что пусть решает ротмистр Преферанский – самому выезжать или сразу же ставить в известность пристава. – К Михаилу Александровичу, и мигом! Знаешь, где он проживает?

– Так точно, на Невском, – и Семёнов махнул рукой в сторону проспекта.

– Живо! – приказал околоточный.

– Так что передать?

– Ну, дубина!.. – изумился Ильин. – Про утопшую бабу доложи. И про порезы на лице, – крикнул уже вдогонку.

Квартира ротмистра Преферанского располагалась во втором этаже доходного дома, стоящего на углу Невского и небольшой улочки Золотоношской.

Семёнов всегда робел, когда приходилось с поручениями приходить к начальству. Начинали слабеть ноги, и каждый шаг давался с трудом. Особенно обессилили последние ступени.

Полицейский нажал на кнопку электрического звонка и прислушался к трели, раздавшейся за дверью. Затем поспешно отдернул руку, словно медная поверхность была горячей.

Спустя какое-то время, которое показалось Семёнову вечностью, щёлкнул замок или щеколда и звякнула цепочка. На пороге показалась девица лет двадцати пяти – тридцати с неприветливым оценивающим взглядом.

– Тебе кого?

– Михаила Александровича, – пролепетал оробевший полицейский.

– По какому делу?

– Убийству! – выпалил Семёнов.

У женщины округлились глаза, и она, заикаясь, пролепетала.

– Сию минуту доложу. Заходите, – милостиво позволила ждать в большом коридоре.

Через минуту появилась вновь.

– Следуйте за мной, – и провела полицейского в кабинет.

Ротмистр Преферанский, разменявший намерзлый четвёртый десяток, сидел за рабочим столом в кабинете. Перед ним стояла чашка дымящегося чаю, рюмка и полный графин вишнёвой наливки.

– Так что там у нас стряслось?

– Господин ротмистр... – начал было полицейский, но помощник пристава поморщился и с укоризной сказал.

– Тише, голубчик, тише, ты не на плачу.

– Ваше благородие, сегодня при обходе порученного мне участка, – робость Семёнова куда-то ушла, и он начал докладывать, словно по написанной бумаге, – в воде Калашниковской набережной обнаружил утонувшую женщину со следами порезов на лице.

– А что ты, братец, по таким пустякам беспокоишь? Ну, утонула загулявшая бабёнка, что с того?

– Так, ваше благородие, порезы... – попытался возразить осмелевший Семёнов.

– От винта судна какого-нибудь.

– Ваше благородие...

– Да что ты заладил: «благородие, благородие», – поморщился ротмистр, как от головной боли.

– Порезы больно ножевые напоминают.

– Ты что, эксперт?

– Никак нет.

– В участок доложил?

– Нет, ваше... – увидев, как скривился помощник пристава, умолк.

– Вот что, – Михаил Александрович потянулся к графину, налил себе рюмку, посмотрел на свет и одним глотком осушил. На несколько секунд замер, потом посмотрел на полицейского, словно не ожидал его увидеть. – Давай в участок, а заодно доложи Георгию Тимофеевичу. Понял?

– Так точно.

– Ну, ступай с Богом.

Михаил Александрович мог позволить себе вольность и не прийти на службу в такой ответственный день – его брат Пётр был полковником, командовал петербургским жандармским дивизионом, имел определённый вес и мог в случае чего поспособствовать, чтобы некоторые выходки младшего, Мишеля, остались незамеченными.

Георгий Тимофеевич, исполнявший должность пристава, проживал с семьёй в казённой квартире, расположенной в том же доме, что и порученный ему участок, но этажом выше.

Первым делом Семёнов зашёл в участок и почти в дверях столкнулся с младшим помощником пристава, губернским секретарём Петраковым – флегматичным малым лет тридцати с гаком. Полицейский обрадовался, что, может быть, можно перепоручить передать неприятнейшую новость ему. Но Иван Иванович с хитровой улыбкой на губах кивнул.

– Сам здесь, – и пошёл дальше, даже не поинтересовавшись, что за спешное дело привело простого полицейского к приставу.

Семёнов перекрестился и утер пот со лба, выступивший от быстрого шага. Шутка ли – пройти от Александро-Невской площади почти до Знаменской. Постучал в дверь и, услышав дозволение, приоткрыл её.

Подполковник Сакс, человек грузный и лысый, отчего казался старше своих лет, сидел за столом, откинувшись на спинку стула. Он взглянул на вошедшего выцветшими голубыми глазами. Его пышные усы зашевелились.

– Ну, что там? – голос Георгия Тимофеевича звучал глухо.

Полицейский вздрогнул.

– Ваше высокоблагородие, – заметив, что пристав поморщился, Семёнов начал говорить тише, – сегодня при обходе мною в Неве обнаружен мертвец женского полу со следами... этого... – почесал затылок и тут же выпятил грудь и встал во фрунт.

– Насильственными? – подсказал Георгий Тимофеевич.

– Так точно, насильственными.

– Откуда такая уверенность?

– Так, господин подполковник, у неё всё лицо ножом исполосовано.



– Ножом, значит. Кого поставил в известность?

– Господина Преферанского и околоточного Ильина.

– Преферанского, – пристав покачал головой, вспоминая, что у старшего помощника вчера случился праздник перехода из четвёртого десятка в пятый. Покачал головой. – Вот что, братец. Ты знаешь, где проживает Корнелий Адамович? – и при виде замешательства полицейского добавил: – Наш участковый доктор.

– Так точно, – глухо ответил Семёнов, и сердце бухнулось чуть ли не в колени – опять бежать! Но здесь хотя бы недалеко, всего-то до Полтавской улицы.

– Скажешь, что я срочно велел выезжать... а куда, собственно? – брови пристава поднялись вверх.

– В начале Калашниковской набережной, – Семёнов опять вытер рукавом пот со лба.

– Вот так и передай, а дежурному скажи... или нет... Впрочем, следователю телефонирую я сам. Ступай.

Георгий Тимофеевич взял телефонную трубку, поднял её, поднёс к уху. Покрутил изогнутую ручку.

– Барышня, будьте любезны, – и назвал два двузначных числа.

В трубке слышалось электрическое шуршание, потом искажённый женский голос произнёс:

– Квартира господина Петровского.

– Передайте Фёдору Григорьевичу, что его спрашивает подполковник Сакс.

– Одну минуту.

И действительно, через некоторое время раздался басовитый голос:

– Доброе утро, Георгий Тимофеевич! Чем обрадуете на сей раз?

– Трупом, – тяжело вздохнул пристав.

– Однако же, – судебный следователь, статский советник Петровский был приписан к двум участкам Александро-Невской части, в число которых входил и саксовский. – С самого раннего часа – и такой подарок. Удружили, сударь! – пошутил Фёдор Григорьевич.

– Чем богаты.

– И где находится сейчас ваше богатство?

– В начале Калашниковской набережной.

– Утопленница?

– Может быть, но мне доложили, что с резаными ранами на лице.

– Стало быть, ревность, – констатировал следователь.

– Вполне возможно, – подхватил мысль Петровского пристав. – За вами заехать?

– Если вам не трудно.

– Через четверть часа буду у вас.

Первым на место обнаружения женщины всё-таки прибыли полицейский Семёнов и Чиж с неизменным коричневым саквояжем. Полное имя доктора было Иосиф Корнелий Адамович. Он был родом из обрусевших поляков и поэтому предпочитал, чтобы его звали вторым именем вкупе с отчеством батюшки. Первое он недолюбливал – оно напоминало гимназические годы, когда сверстники подшучивали над ним. Он в удивлении вскинул брови:

– И где наши сыщики?

Ответом было молчание.

– Где наша утопленница? – доктор посмотрел на Семёнова.

– Вон там, – указал рукой полицейский в сторону стоявшего столбом сторожа.

– Веди, проводник.

Мёртвая женщина лежала на спине. Волосы ее уже высохли и казались теперь не такими тёмными, как раньше, когда были мокрыми. Но располованное лицо и особенно белая от долгого нахождения в воде плоть щёк, лба, подбородка, шеи выглядела жутковато.

Пока доктор Чиж осматривал тело, подъехали на экипажах пристав со следователем и несколько полицейских, чтобы отгонять зевак от места предполагаемого преступления.

– Что нам скажет наш дорогой эскулап? – спросил пристав, поднёсший ко рту тонкий платок, хотя в утреннем воздухе расточался аромат свежести, к которому еще не примешивался запах тления.

Корнелий Адамович оставил без внимания слова господина Сакса и протянул Фёдору Григорьевичу то ли кошель, то ли мешочек из тонкой кожи размером четыре дюйма на шесть.

– Это было при ней.

– Что там? – полюбопытствовал пристав, выглядывая из-за плеча следователя.

– Сейчас же и узнаем, – Петровский со всей тщательностью открыл кошель, аккуратно достал из него промокшую книжицу, оказавшуюся документом, и начал читать. – Итак, настоящий заменительный билет выдан проститутке Анне Блюментрост, девице Эстляндской губернии...

– Тогда всё понятно, – губы пристава насмешливо изогнулись. – С «котом» что-то не поделила. Вот и разгадка.

– Может быть, – покачал головой следователь, – но я бы не подумал...

– Отчего?

– Девице только двадцать лет, прибыла в Петербург полгода тому, – и продолжил читать, с трудом разбирая слова: – «...двадцать лет, выдан на проживание в городе Санкт-Петербурге по первое февраля тысяча девятьсот десятого года взамен подлинного ея вида...» – ну и названия у них волостей, мне не разобрать. Впрочем, каким-то волостным правлением за номером четыреста пятнадцать, каковой вид хранится в канцелярии господина полицмейстера. По получении сей билет она обязана предъявить в местный полицейский участок для прописки. И дата – второе сентября тысяча девятьсот восьмого года. – Он протянул кошель и заменительный билет приставу. – Вы аккуратнее, бумага слегка размокла.

– Главное, имя известно, так что расследование будет быстрым и необременительным.

– Не знаю, – покачал головой следователь, – не нравится мне что-то...

– Фёдор Григорьевич, – поморщился Сакс, – дело обыденное. Девица взбунтовалась, или, того хуже, захотела перейти к другому «коту» или в другой публичный дом, ну и...

– Что-то мне подсказывает – непростое у нас с вами дело, и неизвестно, куда оно нас выведет.

– А вы что скажете, Корнелий Адамович? – обратился пристав к доктору. Тот пожал плечами.

– Моё дело – сделать вскрытие и поведать вам о том, что стало причиной смерти – утопление или нож. А следствие – это, простите, ваша епархия, и вам виднее, что там произошло с нашей порезанной красавицей.

– И то верно. Хотя... – следователь достал из кармана платок и начал протирать руки, покачивая головой.

– Вас что-то смущает? – поинтересовался Сакс.

– Не хотите ли передать дело в сыскную?

– Не вижу оснований, – выпятил губы Георгий Тимофеевич.

– У господина Филиппова везде глаза и уши, тем более, что наша, как выразился любезный Корнелий Адамович, красавица может обитать на другом конце столицы.

– Резон, конечно, есть. – Перспектива передать дело в чужие руки приставу понравилась. Тело прочь – и гору с плеч. Меньше будет забот, иначе можно ни «кота» не найти, ни публич-

ный дом, в котором прежде обитала убитая. – Вы думаете, Владимир Гаврилович не воспротивится такому повороту? Я слышал, что сыскная полиция завалена текущими делами.

– Телефонуйте, – следователь сложил платок и убрал его в карман, – и узнаете настроение господина Филиппова. Да, если я более не нужен, то позвольте мне откланяться. – Он уже собирался выйти, но с порога обернулся к доктору: – Корнелий Адамович, когда вы завершите вскрытие?

– К вечеру.

– Буду с нетерпением ждать. – Он слегка приподнял шляпу и вышел.

– Значит, к вечеру вы мне пришлёте отчёт о вскрытии? – в свою очередь, спросил доктора пристав.

– Пришлю. Н уже могу сказать, что наша утопленница брошена в воду, будучи трупом.

– Вы хотите сказать, что кто-то её зарезал, а потом бросил в реку?

– Совершенно верно.

– Стало быть, надо искать место убийства?

– Георгий Тимофеевич, вам виднее. Моё дело – представить вам нужные бумаги.

– Хорошо, Корнелий Адамович, – кивнул головой Сакс. – Можно отправлять тело к вам?

– Пожалуй, да.

Пристав отдал распоряжения полицейским и укатил на поджидавшем его экипаже. Надо было составить отчёт о происшествиях, случившихся за прошедшие сутки, отослать в канцелярию градоначальника и в сыскную полицию, чтобы там внесли полученные сведения в журнал приключений.

В участке Георгий Тимофеевич приказал собрать в служебном кабинете старшего и младших помощников. Распоряжение бросился выполнять всё тот же Семёнов, оказавшийся под рукой. Предстояло опять навестить ротмистра Преферанского. Титулярный советник Баранов, заведующий полицейской командой на Николаевском вокзале и губернский секретарь Петраков, по счастью, находились в участке – заехали по служебной надобности. Пришлось ждать только Михаила Александровича, который, к вящему удовольствию присутствующих, не задержался, а прибыл цветущим, без следов похмелья.

– Добрый день, – поздоровался за руку с присутствующими в служебном кабинете.

– Что ж, – пристав Сакс осмотрел помощников, – вы, видимо, уже слышали об убийстве на Калашниковской набережной...

– Убийстве? – удивлённо переспросил Баранов. – Мне сказали, что женщина свела счёты с жизнью.

– Увы, Николай Петрович, вынужден вас огорчить: нашу молодую красавицу сперва зарезали, а уж потом бросили в воду. Рассчитывали, что отнесёт подальше, но её прибило к берегу.

– В неподходящем месте, – вставил ротмистр. – Проплыла бы с полверсты – и...

– Выплыла у нас, – оборвал разглагольствования старшего помощника пристав, – и, как бы ни хотелось некоторым из нас, – он выразительно посмотрел на Преферанского, – делом придётся заниматься нам.

– А сыскная? – не унимался Михаил Александрович.

– Я буду телефонировать господину Филиппову, но, как бы ни обстояло дело, нам всё равно придётся заниматься девицей, тем более что имя её уже известно, – Георгий Тимофеевич осторожно взял просохший документ, заглянул в него и прочитал: – Анна Блюментрост, уроженка Эстляндской губернии, прибыла в столицу в прошлом году, заменительный билет не просрочен. Так что вам, – он обратился к Петракову, – надо выяснить, где прописана девица.

– Проверю сначала у нас. Если не в нашем участке или части, то проверю в Адресном столе.

– Хорошо, – Сакс постучал пальцами по столу. – Какие ещё будут предложения?

Трое помощников молчали. Только спустя минуту высказался всё тот же Петраков.

– Георгий Тимофеевич, когда мы узнаем адрес девицы, можно будет о ней расспросить людей в том околотке. А сейчас просто не с кем разговаривать.

– Тогда за вами адрес. Вам нужна помощь?

– Нет, – Иван Иванович украдкой посмотрел сначала на Баранова, потом на Преферанского и, убедившись, что они не горят желанием оказывать ему помощь, повторил: – Нет, я справлюсь.

– Когда мы будем знать адрес девицы?

– К вечеру.

– Постарайтесь, голубчик, управиться к обеду, – с надеждой в голосе произнёс Георгий Тимофеевич.

– Постараюсь, – помощник встал.

– Идите, голубчик, идите. И вы, господа, пока ступайте, я вас позову, когда будет нужно.

Далеко ходить не пришлось. Анна Блюментрост проживала на территории участка, порученного попечению пристава Сакса. Оставалось съездить по указанному адресу, поговорить с людьми, знающими убитую и привести их на опознание. Хотя последнее сделать было затруднительно, но всё-таки стоило попытаться.

– Георгий Тимофеевич! – довольный вид появившегося на пороге Петракова показывал, что что есть результат.

– Вижу, с хорошими вестями, – Сакс даже потёр руку об руку.

– Есть кое-что, – не то с волнением, не то с театральной застенчивостью сказал младший помощник.

– Не томи. Ну, что там?

– Девица Блюментрост проживала на Конной улице и, если можно так сказать, в основном работала у Ново-Александровского рынка, это который раньше Конным именовался. Я думаю, есть необходимость посетить место жительства и разузнать у соседей или наперсниц насчёт нашей утопленницы.

– Я тоже так думаю, хотя наш Петровский прав. Чем чёрт не шутит, может быть, сыскная нам поможет в ведении дознания. А?

– Георгий Тимофеевич, мы уже почти всю работу сделали, а они только сливки с молока снимут. Мы быстро там разузнаем о том, кто девицу за собой числил, – и в каталажку его, а там он нам всё расскажет.

– А если не расскажет?

– Георгий Тимофеевич, господин подполковник, в каталажке все поют, как те канарейки.

– А что, если её хахаль не имеет отношения к убийству? – выказал сомнение пристав.

Петраков от досады только недовольно засопел, а Сакс прикинул, какие для него могут быть последствия, если убийца так и не отыщется. А так – сыскная ведёт дознание, с неё и спрос. О себе надо больше думать, о себе.

Несколько минут пристав сидел и с ненавистью смотрел на телефонный аппарат, растравляя в душе возникшую вдруг из ниоткуда злость. Надо было телефонировать в сыскную полицию, но что-то мешало – то ли природная леность, то ли слегка насмешливый голос Владимира Гавриловича, нынешнего начальника.

После разговора с телефонисткой в трубке наконец раздался приятный баритон:

– Филиппов у аппарата!

– Доброго дня, Владимир Гаврилович! Простите за беспокойство.

– Да, да, я слушаю.

– Подполковник Сакс...



– Георгий Тимофеевич! – голос по ту сторону провода казался обрадованным, хотя сам пристав не испытывал бы радости от звонка какого-то там подполковника. – Как здоровье?

– Не жалуюсь, хожу пока ещё сам, – попытался пошутить Сакс, – никто не поддерживает.

– Главное, чтобы с дороги не столкнули, – Филиппов намекал на изменения, происходящие в столице. Председатель Совета министров и по совместительству министр внутренних дел Столыпин взялся за реформирование полиции, и в первую очередь – засидевшихся на тёплых местах полицейских начальников, которых отправлял либо командовать в другие города, либо в отставку.

– Это как карта ляжет, – осторожно ответил пристав.

– Георгий Тимофеевич, у вас что-то стряслось? – начальник сыскной полиции не стал затягивать обмен любезностями.

– Случилось, – тяжело вздохнул подполковник и начал рассказывать о прямо-таки зверском убийстве молодой женщины.

– Значит, при ней нашли «жёлтый билет»?

– Именно так.

– Где, вы говорите, делает вскрытие Чиж? В Мариинской?

– Да.

– Сейчас же подъеду к нему.

– Я тоже выезжаю.

– Георгий Тимофеевич, я к вам заеду позже, тем более, что вы уже установили место, где проживала эта самая Блюментрост, цветочное утешение.

– Что? – пристав не понял последних слов Филиппова.

– Фамилия девицы с немецкого языка переводится как «цветочное утешение».

– Честно говоря, я об этом не подумал, для меня она так и остаётся Блюментрост, – сконфуженно сказал подполковник Сакс, имеющий в своём роду не одного предка с немецкими корнями.

– Довольно привлекательная фамилия для девицы её профессии.

– Да, – согласился пристав.

– Значит, после морга я заеду к вам, Георгий Тимофеевич. Надеюсь застать вас на месте.

– Я буду ждать, – торопливо ответил Сакс.

– И мы вместе решим, как проводить дальнейшее дознание.

– Вас что-то удивило в преступлении? – поинтересовался Сакс.

– Если вы описываете верно, а не верить у меня нет причины, то сама жестокость и хладнокровие, с которым была убита девица, меня бросает в дрожь. Поверьте, что я за время службы в полиции повидал многое. И так «коты» своих не учат. Избить, ножом побаловаться, но чтобы так...

Филиппов не стал церемониться, а подошёл быстрым шагом, хотя и казался на голову ниже Симки. Тот смерил коротышку взглядом и словно бы стал немного ниже ростом – настолько уверенно смотрел на молодого человека Владимир Гаврилович.

– Симеон? – то ли спросил, то ли констатировал начальник сыскной полиции.

Красный молчал, только недоумённо хлопал глазами.

Через полчаса стояли в морге у стола с металлической поверхностью, на которой лежало холодное бездыханное тело. Простыня покрывала убитую до подбородка.

Взгляд Симеона застыл и казался таким же безжизненным, как и закрытые глаза Анны Блюментрост.

– Вы узнаете эту женщину?

– Это Анька, – тихо прошептал Симка. – Кто её так? – блеснул глазами. – Кто?

– А ты опознаёшь?

Дворник, как фарфоровый китайский болванчик, кивал головой. По худой морщинистой щеке вначале потекла одна слеза, вслед за ней тонкая вереница.

– Вы ни с кем её не путаете?

– Нет, – категорично заявил Симеон, – это она. Можете проверить, на левой лопатке у неё три родинки в ряд и между ними ровно помещается медный пятак.

Чиж проверил и кивнул, что всё верно.

– Кто её так? – опять спросил молодой человек и размазал рукавом по щеке солёную каплю.

– Вот это мы и собираемся выяснить. – Владимир Гаврилович сузил глаза и начал перекапывать с мысков на пятки и обратно, мысленно составляя план: что необходимо предпринять для нахождения места убийства и поимки столь жестокосердного убийцы, который кромсал острым ножом лицо ещё живой девицы. Каковы были его мотивы? Ревность? Не похоже. Мсть? Тем более. Просто не понравилась? Опять гадание на кофейной гуще.

– За что? – не унимался Симка Красный. – Она же никогда не делала никому зла, она же...

Чиж подошёл ближе к Владимиру Гавриловичу.

– У меня готовы на неё бумаги, осталось только вписать имена опознавших.

– Хорошо. Скажите мне не сухими словами отчёта, Корнелий Адамович, от чего умерла девица.

– От ножевых ран, а потом была брошена в Неву.

– То есть лёгкие её чисты.

– Совершенно верно, – улыбнулся лекарь, – приятно, когда тебя понимают с одного слова.

– Тогда вы, может быть, поведаете, сколько времени провела убитая в воде?

– Не более двенадцати часов.

– Таким образом, бессмысленно спрашивать вас о том, когда нанесены остальные повреждения на лице и шее?

– Да, здесь я вам не помощник, – покачал головой Чиж. – Если бы она лежала на берегу, вот тогда...

Филиппов, казалось, слушал рассеянно, сощутив глаза и что-то прикидывая. Чтобы его не тревожить, участковый врач замолчал.

– Здесь вы не правы, Корнелий Адамович. Следов на запястьях у неё я не вижу, поэтому делаю вывод, что девица не была связана, а значит, при нанесении ей таких ран она непременно должна была защищаться. Но тогда порезы остались бы и на руках. Однако их нет, следовательно, её сперва убили, а уж потом в порыве ярости раскромсали лицо.

– Вы правы, – удивлённо произнёс Чиж, – честно говоря, я об этом даже не подумал... Ведь верно.

Владимир Гаврилович откинул простыню со щиколоток убитой девицы.

– Чисты, аки у младенца, – задумчиво произнёс Филиппов, осмотрев её ступни, и спросил: – На ней была обувь?

– Нет, когда я приехал с полицейским на место, где из Невы выловили тело, то на ногах никакой обуви не было.

– Могла соскочить?

– Не знаю, в воде... хотя один башмак мог, но два... Не знаю.

– Я о чём – волокли её с места преступления или несли на руках? Преступник, скорее всего, запачкал свою одежду кровью.

– Когда ты в последний раз видел Анну? – обратился Филиппов к Симке. Тот всё ещё вполголоса грозил убийце и не сразу услышал вопрос.

– А?... Вчера днём.

– Одну или с кем-то?

– Одну.

– Так, а ты? – спросил Филиппов у дворника.

Татарин задумался.

– Тоже днём, когда она из дому вышла. Весёлая была, улыбалась, – и старик смахнул новую слезу.

Владимир Гаврилович тяжело вздохнул.

– Поступим таким образом. Ты, Иван, бери Симу, – он указал пальцем на молодого человека, – поезжайте в сыскное, и там, – Филиппов покачал головой, – рассказывай, Сима, всё, что знаешь об Анне. А я в участок. Понятно?

## Глава вторая

### Дознание начинается

Георгий Тимофеевич, едва шевеля губами, начал читать:

– «Протокол вскрытия трупа девицы Анны Блюментрост по распоряжению следователя Петровского.

Нижеподписавшийся, лекарь Чиж, произвёл исследование и вскрытие трупа 01. 06. 1909 в 10 часов утра в морге Мариинской больницы. Тело было опознано сожителем Симеоном Ивановым Косоротовым и дворником Бабеком Улановым.

Девушка примерно двадцати лет, ниже среднего роста, одетая в кофту и цветную юбку, под которой белая нижняя юбка. Ноги без обуви и чулок.

Тёмные волосы, на лице восемь порезов от острого лезвия. Четыре пореза идут справа налево вниз, почти вертикально, два поперёк щёк и носа и ещё два от левого уха до горла.

Три пореза на шее, один сделан с большой силой: перерезав шейные мышцы, нож оставил след на верхних позвонках с внутренней стороны».

Пристав Сакс посмотрел на начальника сыскной полиции Филиппова.

– Поверите, не могу читать такие бумаги. Комок к горлу подкатывает. Как можно вот так хладнокровно кромать живую плоть? И при этом... – не договорив, махнул рукой. Потом вновь обратил взор к документу:

– «В лёгких следы воды не обнаружены, что позволяет предположить: девушка брошена в воду, будучи мёртвой». Стало быть, сперва зарезал упырь, а потом попытался, как говорится, концы спрятать в воду.

– Вероятнее всего, так и было, – кивнул Филиппов, сидящий напротив пристава.

– Что вы предлагаете делать далее? Я, конечно, могу послать своих людей осмотреть берега Невы, но, как вы понимаете, это мартышкин труд. Если и были следы крови, то их впитала земля или трава, да и искать – всё равно что иголку в стоге сена, да притом в ночное время.

– Не стоит, Георгий Тимофеевич, в этом вы правы. Даже снаряжённый на поиски полк солдат ничего не сможет найти. Если только случайно не наткнутся на какой-нибудь дом, хотя... – начальник сыскной полиции пожал плечами, – не поехала бы наша девушка в незнакомое заброшенное место. Так?

– Так, – согласился Сакс.

– Что тогда нам остаётся? – теперь подполковник молчал. – Опрашивать всех и вся, кто мог быть причастен к делу и знал нашу убиенную.

– Я распоряжусь...

– Не надо, – Филиппов поднял указательный палец вверх. – Не хочу ущемлять достоинств ваших людей, но мои более компетентны в ведении таких деликатных дознаний.

– Но я ручаюсь, что мои...

– Георгий Тимофеевич, – укоризненно покачал головой Филиппов, – я не сомневаюсь, что и ваши подчинённые способны собрать необходимые сведения, но они, в силу того, что непривычны к такого рода делам, могут испугать убийцу, и он надолго затаится. Тогда им затруднительно будет его изловить.

Подполковник снова попытался возразить, но здравый смысл взял верх. В неудаче можно будет обвинить сыскную полицию, а успех разделить с Филипповым.

– Хорошо, но чем в таком случае заниматься моим людям?

Владимир Гаврилович понимал, что приставу это убийство – как кость в горле. Но оставить совсем не у дел участковых полицейских не входило в планы начальника сыскной поли-



ции, поэтому он в таких случаях шёл на своеобразное соглашение с участковыми и частными приставами.

– У вас ведь наверняка есть подходящий человек, который занимается дознаниями и ко всему прочему толков и исполнитель.

– Конечно.

– Вот и откомандируйте его ко мне для координации наших действий.

– Одного?

– Ну-у, Георгий Тимофеевич... – с обидой в голосе протянул Филиппов, – конечно, одного.

– Добро.

На том и порешили.

Симка Красный поведал не слишком много. Оказалось, девица, хотя и отличалась общительным нравом, ни о себе, ни тем более о семье почти ничего не рассказывала. Только вскользь упомянула, что сирота, воспитывалась в Эстляндской губернии в семье сестры матери, где родной дядя в один из пасмурных дней затащил племянницу на сеновал и там лишил единственного её девичьего богатства. После этого случая она взяла в волостном управлении жёлтый билет и уехала в столицу. Встретил Симка Анну возле Ново-Александровского рынка, сразу же положил на неё глаз и взял под свою опеку. Ну и что, говорил Красный, что она продажная девка? Это им не мешало. Близких товаров у неё не было. Порой разговаривала с теми, кто на панель выходит, но не более.

Так что важных сведений, могущих пролить свет на ужасное убийство, не случилось.

– Вот что, господа, – напутствовал сыскных агентов Филиппов, – придётся вам поговорить с вашими добровольными помощниками, особенно из среды «камелий». Может быть, они что-то видели или слышали. Жду вас всех с результатами.

– Владимир Гаврилович, чем так привлекло убийство? «Камелии», – усмехнулся один из чиновников по поручениям, – знают, на что идут, когда выходят на панель.

– Привлекло меня одним – жестокостью, с которой оно совершено, – пожевал ус начальник сыскальной полиции и добавил: – Да, иной раз режут наших девиц, стреляют в них, но не проявляют такой звериной кровожадности. А здесь... – он покачал головой. – Можете думать, что у меня нехорошее предчувствие.

На этом разговор завершился.

Бубнов взял с собою Симку – последний знал в окрестностях Ново-Александровского рынка если не каждую собаку, то многих обитателей. Мог помочь в разговоре с девицами, как правило, не слишком откровенными с фараонами, особенно из сыскального отделения.

– Жалко Аньку, – сказала одна из «камелий», уже не первой свежести, но сохранившая остатки былой красоты. – Молодая была, весёлая... – и посмотрела куда-то в сторону.

– Ты говори, видела её или нет? – вмешался в разговор Симка.

Бубнов одёрнул парня: мол, здесь я – старший, и сам знаю, какие вопросы задавать.

– Чего ты пылишь? – Она даже не посмотрела на Красного. – Не мешай с умным человеком беседу вести.

Иван Григорьевич посмотрел на Симку и покачал головой. Всё испортить может.

– Вчера не встречала Анну? – спросил Бубнов.

– Вчера, вчера... – наморщила лоб женщина. – Для меня все дни на один... – и продолжила матерно, ничуть не смутясь, словно так и надо.

– Ну, ты!... – сыскальный агент опять одёрнул сожителя Блюментрост.

– Днём видела я её, – внезапно сказала женщина.

– Где? – теперь уже не выдержал сам Иван Григорьевич.

– Вон на том углу, – ткнула папиросой на угловой дом «камелия».

– С ней кто-то был или подходил? Беседовала она с кем-нибудь?

– Вроде нет. – Женщина пожала плечами, но почти сразу вспомнила: – Вру, – обрадовано сказала она, даже брови вздёрнула, – с Матрёной, которая себя Дианой называет, – и, посмотрев на Симку, добавила: – да ты её знаешь, с рожей такой масляной, – и снова взмахнула руками.

– В котором часу они беседовали?

– В точности сказать не могу, часов тут рядом нету. Может, в пятом, может, в шестом. Не знаю, трёхчасовой колокол вроде бы звучал, а вот до вечернего дело не дошло.

– Где эту Матрёну-Диану найти? – поинтересовался Бубнов.

– Да тут была, недавно её видела.

– Где?

– На том же углу, где Анька с ней лясы точила.

Иван Григорьевич кивнул – мол, благодарствую.

– Херувимчик красненький, – ласково сказала «камелия», обращаясь к Симке, – ты ныне один как перст остался, ты только пальчиком помани, так я сразу к тебе прилечу. Ой, как приласкаю! В довольствии останешься.

Симка дёрнул головой, словно взнузданная лошадь, и демонстративно плюнул на землю, даже не посмотрев на женщину.

– Ты эту Матрёну-Диану знаешь? – спросил его Бубнов, когда они отошли на несколько шагов..

– Кто ж её не знает, – ответил молодой человек нехотя, но без особого раздражения.

– Тогда показывай.

– Показать-то покажу, но если она с кем-нибудь в постели, то не обессудьте.

– Неужели не знаешь, куда она водит мужиков? – допытывался сыскной агент.

– Знаю, – коротко сказал, словно выплюнул, Симка. – Не раз бывал.

Матрёны-Дианы не оказалось возле домов, где она обычно прогуливалась в поисках клиентов. Поговорили ещё с двумя девицами, но те ничего не видели и вчерашним днём с Анной не встречались. Про Матрёну сказали, что с полчаса тому увела солидного купца в номера дешёвой почасовой гостиницы, расположенной по соседству.

– Если будем ждать, то, может статься, прождём и до утра, – посетовал Бубнов. – Конечно, я могу... – и умолк.

– Пошли, – резко бросил Симка Красный, – время не ждёт. Вдруг изверг из столицы уедет?

Иван Григорьевич пошёл следом.

Возле Ново-Александровского рынка собирал сведения не только Бубнов, но и чиновник по поручениям Алексеев. Невысокий подвижный мужчина с седыми висками и неизменно грустным взглядом появился на Конной улице ближе к вечеру, когда большинство петербургских «камелий» выходит на охоту на мужчин с тугими кошельками. Прошёлся, помахивая тростью, приглядываясь как бы рассеянно к здешним обитателям и ночным хищницам. Затем не приметно кивнул одной из девиц, давая понять, что хочет с нею поговорить.

В подворотне через шесть домов они перекинулись парой слов. Девица уже знала о смерти одной из ночных тружениц, но толком ничего рассказать не могла. Когда Алексеев уже собирался уходить, она тронула его за рукав и тихо спросила:

– У нас тут страху нагоняют, говорят, что не первую изверг под нож пустил. Бают, что фараоны всё скрывают. Правда?

– Враки, – обернулся чиновник по поручениям, – убита одна. Ничего мы не скрываем, просто хотим быстрее поймать, как ты сказала, изверга.

– Мне страшно, – призналась девица. – Когда вы его изловите?

– Скоро, – и пошёл беседовать с другими помощниками, поставляющими столь необходимые для каждого сыскного агента сведения.

К вечеру истоптал башмаки, но ничего нового, проливающего свет на преступление, узнать не смог. Девица оказалась как призрак ещё при жизни: вроде бы её видели, а вроде бы и нет. Но скорее всего, попросту не обратили особого внимания – ведь каждый день «ночных бабочек» похож на предыдущий, меняются только лица мужчин, размер их кошельков и предложения.

Бубнов с Симкой зашли в гостиницу. Сразу же в носшибанул запах какой-то затхлости, но запустения не ощущалось. Входили и выходили парочки, явно не за тем, чтобы поговорить о высоком искусстве. Красный ещё на улице попросил Ивана Григорьевича не махать сыскным жетоном, а предоставить разговор со служащими гостиницы на предмет, в которой из комнат сейчас находится Матрёна-Диана.

Не прошло и минуты, как Симка поманил взглядом Бубнова: мол, следуйте, господин хороший, за мною.

– В десятом, – сказал Красный и добавил, – во втором этаже.

Остановились перед дверью с небольшой медной, потемневшей от времени табличкой, на которой были витиевато изображены цифры 1 и 0.

Иван Григорьевич поднял руку, чтобы постучать, но Симка удержал.

Дверь отворилась, и на пороге возникла фигура чиновника по поручениям Кунцевича. Обеспокоенный взгляд и каменное выражение лица говорили о новых проблемах, низвергшихся на чёрных крыльях на сыскную полицию. В руке Мечислав Николаевич держал светло-коричневую папку с тёмными тесёмками.

– Разрешите?

– Заходите, – поднял взор на вошедшего начальник сыскной полиции, – присаживайтесь. Что у вас?

– Полюбуйтесь, – Кунцевич развязал тесёмки, достал из папки конверт и протянул Филиппову.

– Что это? – тот повертел в руках распечатанный конверт.

– Вы прочтите письмо.

Владимир Гаврилович углубился в чтение.

«Пять лет тому назад не имеющий ни родных, ни знакомых, я подлежал в Кишиневе отбытию воинской повинности. Не имея шансов на освобождение от военной службы, я по капризу судьбы вытащил несчастливый 26-й номер и был забрит в солдаты. После присяги я был отправлен в Тирасполь, где зачислен в астраханский драгунский полк. Прослужив шесть недель, я решился бежать и, как вы понимаете, моя родина стала мне мачехой. Вскоре я очутился в чужом для меня государстве, которое должно было заменить мне отечество. Но увы! Я не полюбил ни Галиции, ни Австрии, которая меня приютила. В одном маленьком городке я встретился с другим дезертиром.

Дезертир этот, настоящего имени коего я выдать не смею, пусть будет Дмитрием, страдал чахоткой. Я ухаживал за ним, но недолго, ибо чахотка не оставляет человеку шанса на жизнь. И вот перед самой смертью он доверил мне свою тайну, которую хранил много лет:

“Я умираю, и вместе со мной должен погибнуть клад в сорок миллионов рублей. Я благословляю Бога, – говорил он мне со слезами на глазах, – что Он послал мне тебя. Прими же в знак моей благодарности всё то, чем я должен был владеть. Дай мне только честное слово, что если сам не в состоянии будешь сделаться обладателем этого огромного состояния, то не отдашь его в руки иностранцев. Оно должно оставаться в руках наших русских подданных без различия вероисповедания и национальности”. После смерти Дмитрия, ознакомившись с

бумагами, я посчитал себя самым несчастным человеком, в то время как я мог бы быть одним из счастливейших смертных. Внимайте же! Я сделался хранителем секрета о местонахождении клада, состоящего из бриллиантов, золотых слитков и старинных монет на сумму в 38 500 000 р. Клад этот принадлежал одному владетельному румынскому князю, вынужденному спасаться бегством. Местонахождение клада – одно из маленьких городков-местечек Бессарабии. Что делать? Самому рискнуть своей свободой и отправиться за кладом? Я бы это сделал, но увы! Для того чтобы извлечь клад, необходимо обратиться к русскому правительству с просьбой о разрешении раскопок, и затем необходимы предварительные расходы на наем людей для раскопок, а также устройства канала для отвода воды из трех колодцев, на дне которых хранятся богатства. Первое немыслимо мне сделать как дезертиру, а второе – как человеку, не имеющему ни полушки. Ввиду таких обстоятельств я решился устроить общество на паях для получения клада. Но богатство отнюдь не должно достаться в руки богачам. При посредстве некоторых моих знакомых я сделался обладателем списка небогатых, но честных тружеников, которые, разбогатевав, не забудутся и останутся теми же незаносчивыми и скорбящими о ближнем людьми. Мне очень приятно сообщить вам, что в списке этом одним из первых находитесь вы. Итак, милостивый государь, если вам угодно принять участие в затеваемом мною деле, дающем вам право на равную долю со всеми и со мною, пришлите десять гульденов на мое имя. По получении денег вы получите от меня нотариальное удостоверение на право ваше в разделе клада. Не буду обременять вас перечнем того, что надо купить, что надо сделать; я вам поведаю, что расходы по раскопкам и извлечению клада не превысят 10 000 гульденов. Таким образом, наше общество должно насчитывать 1000 членов. Конечно, желающие могут иметь по два пая, по три, но тогда эти десять гульденов должны увеличиться до двадцати или тридцати. Если вас заинтересовало моё предложение, то деньги нужно переслать по адресу: Herr Stephan Borisoff, Lemberg (Galicie). Таким образом, один пай в десять гульденов превратится в 38500 рублей».

– Однако.

– Каково? – спросил с улыбкой Мечислав Николаевич.

– Очередная авантюра, – пожал плечами Филиппов. – И много ли тех, кто попался на эту удочку?

– Достаточно.

– И теперь с жалобами к нам?

– Само собой.

Начальник сыскной полиции покачал головой.

– Сколько вы приняли заявлений?

– Достаточно, но я связался с Лембергом...

– С полицией? – удивился Филиппов.

– Увы, австрийская полиция нам навстречу не идёт. Так получилось, что у меня там есть знакомые, вот к ним я и обратился... – Кунцевич умолк.

– Не томите, Мечислав Николаевич, театральными паузами, рассказывайте, как есть.

– Степан Борисов действительно проживает в Лемберге, но появился в городе только два месяца тому, живёт на широкую ногу, не имея при этом никаких занятий, и ежедневно из России и Румынии получает десятками денежные пакеты. Доподлинно установлено, что этот Борисов Степан Гаврилович – не дезертир, а оргеевский мещанин, сорока двух лет от роду.

– Направьте бумагу в полицейское управление Лемберга. Как-никак, Оргеев – российский город, а значит, и преступник должен предстать перед нашим правосудием. Результата, конечно, не получим, но, может быть, австрийцев наш Борисов не обманет.

– Хорошо.

– Что-нибудь ещё?

– Что делать с пострадавшими?



– Что с ними делать? За легковерие надо расплачиваться. Слава Богу, на сей раз малой кровью – всего-то десятью гульденами, это сколько по нынешнему курсу? И почему гульденами? Насколько помню, в Австрии кроны?

– Здесь тоже маленькая хитрость. Австрийская крона равна тридцати девяти копейкам, а голландский гульден – семьдесят восемь.

– Понятно. У вас, я знаю, Мечислав Николаевич, в «Петербургском листке» есть знакомые, – и пытливо посмотрел в глаза Кунцевичу.

– Есть.

– Вот дайте им тему, пусть пропишут, чтобы не попадались больше простодушные на уловку Борисова.

– Разрешите представить письмо?

– Не возражаю, главное, чтобы легковерных меньше стало. У вас всё?

– Не знаю, как будет вернее, к счастью или к несчастью, но ещё есть некоторые подробности одного дела.

– Излагайте.

– Дело по убийству учительницы училища Правдиной.

– Что там? Вроде бы кухарка описала убийцу. Нашли?

– Дело оказалось сложнее, чем представлялось вначале. Оказывается, жена городского Васечкина служила кухаркой. Она случайно узнала, что Правдина получила большую сумму денег в ассигнациях. Сказала об этом мужу, тот привлёк к делу дворника. Они вдвоём убили учительницу, похитили деньги, а жену городского связали, чтобы на неё не пало подозрение в соучастии. Теперь двое из них сознались.

– Кто?

– Дворник и жена городского.

– Тогда в чём трудность?

– Пристав Зарудский, защищая честь мундира, не разобравшись в деле, пожаловался министру, тот государю, вот и завертелось дело.

Филиппов покачал головой.

– Понятно: как всегда, не разобравшись, наши начальники рубят с плеча. Вы подготовьте бумаги – мне скоро идти на доклад к министру, там я ему доложу по существу дела. Только доказательства должны быть неопровержимые.

– Так и есть.

– У вас всё?

– Теперь всё, – Кунцевич поднялся со стула.

Симка удержал руку Ивана Григорьевича.

– Позвольте мне. Матрёна меня знает, а от вашего жетона замкнётся и ничего не скажет. А я хочу, чтобы эту гниду, – он скрежетнул зубами, – либо я нашёл, либо вы.

– Лады, но ты только начни беседу.

Красный постучал. Почти спустя минуту дверь распахнулась, и на пороге застыл с открытым ртом купец, который заикающимся голосом спросил.

– Вам что надо?

Из-за его плеча выглянула Матрёна-Диана в накинутом на плечи голубом пеньюаре.

– Красный? – произнесла она с ноткой удивления, и глаза её расширились. – Тебе-то чего надо?

– Разговор есть, – с решительностью в голосе сказал Симка.

– Небось подождёт. Вишь, я занята, – она взяла купца под руку, тот скосил взгляд на девицу.

– Я-то думал, это вино принесли, – с досадой выдавил из себя клиент Матрёны.

– Дорогой, – Матрёна щекой прижалась к плечу купца, – подожди одну минутку, – затем с неожиданной лёгкостью отодвинула его в сторону и вышла в коридор. – Ну и? – кивнула головой.

Девушке было лет двадцать с небольшим. Большие голубые глаза, румянец на щеках, пухлые губы и зачёсанные назад волосы.

– Вчера ты видела мою Анну?

– Ну?

– Видела или нет?

– Ну, видела.

– С кем она ушла?

– Красный, она ж твоя баба, вот и следил бы.

– Так с кем?

– Ну ты, Красный, интересный фрукт. Я ж за твоей Анькой не нанималась следить, и интересу мне к ней нету, так что не знаю, чего ты хочешь.

– Сегодня Анну нашли убитой, – послышалось из-за спины Симки. – Ты что, не знала?

Матрёна-Диана нервически сглотнула и провела языком по вмиг высохшим губам.

– И кто её?

– Я тебя и спрашиваю, с кем она ушла? Может быть, сегодня или завтра тебя точно так же – и в реку.

– Окстись! – девушка перекрестилась. – Вчера я Аньку видела, не знаю... – она пожала плечами, – то ли в пятом, то ли в шестом часу...

– С кем? – нетерпеливо спросил Симка, Бубнов не стал более вмешиваться.

– С кем, с кем – откуда я знаю?

– Как выглядел?

– Мужик как мужик.

– Ты его узнаешь?

Матрёна-Диана подумала несколько секунд, нахмутив лоб.

– Не-а.

– Почему? Ты ж говоришь, обычный мужик.

– Обычный-то обычный, только на голове у него была шляпа с такими большими полями, – она показала рукой, – что лица толком не видела. Ах да, вот что показалось мне странным. Вроде бы лето на дворе, не так уж и прохладно, а он в пальто, и руки... – она запнулась.

– Что руки?

– Такие длинные, как у обезьяны, – пояснила Матрёна. – Был у меня мужичок один, так он из плаванья обезьяну привёз и мне показывал, вот и знаю.

Дверь приоткрылась, и послышался вкрадчивый голос купца:

– Голубонька, я заждался.

– Кто ещё его видел?

– Не знаю, – она приоткрыла дверь, – а за нами, Красный, глаз да глаз нужен. – С этими словами Матрёна затворила за собою дверь, и тут же раздался щелчок закрываемого замка.

Почти минуту визитёры стояли в молчании.

– Значит, чёрный человек... – задумчиво произнёс Бубнов.

– Что? – очнулся от оцепенения Симка.

– Это я так, – вздохнул Иван Григорьевич. – Теперь опять на площадь, к рынку. Ты там всех девиц знаешь?

– Ну, не всех, но многих.

Владимир Гаврилович, сощурился, глаза, смотрел в окно. Особо ни о чём не думалось, хотелось просто посидеть, наслаждаясь тишиной. Хотя какая тишина, если под окнами многотысячный город. Шумит, гудит, и вроде бы никто не устраивает нарочно гама и шума, а всё одно слышатся они сквозь окна и стены. Потом перед глазами предстала девица, лежащая на блестящем полированном холодном металле.

И раны, рассекающие лицо, – такие грубые, что сразу возникает образ злого и невожатого мужчины, который свою кровожадность направил на незащищённую продажную женщину. Обычно «коты» учат своих подопечных кулаками, не портя фасад, ибо он привлекает клиентов, или, на крайний случай, чтобы девица не ушла к другому, – нож под рёбра. А здесь что-то особое, словно кто-то пытался отомстить, да не просто отомстить, а с такой жестокостью, что кровь стынет в жилах. Но за что?

– Пошли, Симеон, может, что новое удастся узнать. – Бубнов играл желваками, и у него подёргивался правый глаз.

– Угу, – кивнул в знак согласия Красный.

– Знаешь, – Иван Григорьевич остановился, закусив губу, но потом продолжил, – всё, что ты узнал и узнаешь, это...

– Тайна? – ухмыльнулся Симка.

– Вроде того.

– Не бойтесь, господин Бубнов, я не собираюсь ни с кем делиться полученными сведениями. Это моё дело, и могу сказать откровенно, что если я найду этого изверга первым... – он запнулся, подбирая слова, – то вы его никогда не найдёте.

– Но...

– Видите ли, – молодой человек остановился и теперь стоял напротив сыскающего агента, – какими бы мы с Аней вам ни казались, мы хотели вырваться из порочного круга, но, к сожалению, не имели достаточно денег, чтобы начать нашу жизнь с чистого листа. Вы можете осуждать её за доступность, меня за потворство этому, но жизнь не всегда одаривает нас калачами. Приходится кое-что перетерпеть, чтобы стать сильнее, – он тяжело вздохнул.

– Я понимаю, – тихо сказал Бубнов, но в ответ получил красноречивый взгляд.

– Пойдёмте.

Опрос девиц ничего нового к портрету не добавил. Только внёс некоторую сумятицу: одни говорили, что на лице мужчины (поля шляпы не могли скрыть нижнюю часть) была бородка наподобие шкиперской. Вторые уверяли, что присутствовали пышные усы. Но все сходились в том, что незнакомец в летний месяц ходил в чёрном пальто почти до пят и в шляпе с большими полями. Говорил вроде бы чисто, хотя некоторые уверяли, что с эстляндским или финским акцентом. Но все сходились во мнении, что руки у него непропорционально длинные. Последняя примета радовала. Если одежду можно сменить, бороду сбрить, усы сделать меньше, то с руками дело обстояло совсем по-другому – с ними невозможно ничего сделать. Не отрубишь же их!

К вечеру Бубнов устал, проголодался, да и от мелькания лиц голова шла кругом.

– Где здесь можно хорошо, но недорого поужинать? – спросил Бубнов у спутника, который с удивлением посмотрел на сыскающего агента.

– У Петровича.

– Что так смотришь?

– Да я всегда думал, что у вас в полиции деньги лопатой гребут.

Иван Григорьевич ухмыльнулся.

– Знаешь, Симеон, может быть, кто-то и гребёт, но мы пришли копать в человеческом дерьме, выводя преступников на чистую воду. А такое занятие приносит только неприятности. Вот в прошлом году взяли за одно место графа одного за то, что убил знакомого по игре в карты,

которому задолжал моё жалование за сто лет. Взяли его, но такой шум поднялся. Сам государь за него вступился, министр взял под козырёк, а мы получили по первое число. Особенно наш начальник. Там, – Бубнов ткнул вверх пальцем, – много чего творится. Меня тогда чуть под статью о превышении полномочий не подвели, а ты говоришь – «лопатой».

– Неужели? – изумился Симка.

– Но я тебе ничего не говорил.

– Значит, если есть деньги, то всегда можно откупиться?

– Не совсем так. Иной раз и деньги не помогают, главное – иметь нужные связи, чтобы в определённую минуту тебя прикрыли... Ну, Симеон, растравил ты меня. Всё, поговорили, веди к твоему Петровичу.

В десятом часу пополудни в рабочем кабинете Филиппова собрались чиновники по поручениям и помощник начальника сыскного отделения Карл Петрович Маршалк. На сей раз не разговаривали, даже вполголоса, как во время предыдущих собраний, а молчали. Лица у всех были сосредоточенные и серьёзные, словно все чувства ушли прочь до поимки кровожадного изувера.

– Прошу, господа, докладывать только по делу об убийстве Анны Блюментрост. Остальные вопросы решим позже, если нет никакой спешки.

Оказалось, что сведений собрано всего ничего. Хотя прошло всего полдня со времени убийства, по столице поползли не очень хорошие слухи. «Ночные бабочки» обеспокоились появлением жестокого убийцы, начали шёпотом передавать друг другу, что зарезано то ли пять, то ли десять девиц, а в Москве ещё раньше пропало целых семьсот, и теперь волна докатилась до Петербурга.

– Вот так, – завершил Алексеев.

– Как говорится, у страха глаза велики, – Владимир Гаврилович потёр лоб ладонью. – Иван Григорьевич, что у тебя?

Бубнов рассказал о собранных сведениях.

– Молодец, – похвалил Филиппов, – значит, теперь есть у нас описательный портрет предполагаемого убийцы.

– Возможно, – сказал с сомнением в голосе Бубнов.

– Что вас смущает?

– Всё, Владимир Гаврилович. У нас только одна точная примета – длинные руки, а вот остальные – это, как бы правильнее выразиться...

– Пустые, – подсказал кто-то из чиновников.

– Вот именно, пустые. Что такое борода? Да ничего – возможно, убийца, обладая театральным реквизитом, её наклеил...

– Наклеил-то наклеил, но это значит, что в дознании появляется театральный реквизит, а им, извините меня, не каждый умеет пользоваться. Следовательно, появляется артист...

– Увы, не только артист может воспользоваться гримом, но и работники театра...

– Не забывайте про синематографа, – опять вставил кто-то из чиновников.

– Вот именно, сюда же и работников синематографа.

– Шкиперская бородка, – скривил губы Филиппов. – Почему именно такая? Должна же быть причина? В обычае людей делать вещи, которые они умеют. В данном случае, – Владимир Гаврилович прикусил губу и замолчал, но никто не смел его торопить; затем, чуть сузив глаза, он предположил: – Возможно, ситуация более проста, чем мы думаем. Представьте этого мужчину, каким его описывают, – высок, но рост мы можем не брать в расчёт – высокие каблуки дадут нам необходимое, широкополая шляпа хорошо скрывает верхнюю часть лица, давая собеседнику или невольному свидетелю увидеть нижнюю и обратить на неё внимание, – начальник умолк.



– То есть преступник хотел, чтобы запомнили бородку, – ведь она становится главной приметой, – продолжил мысль начальника Маршалк, говоривший с заметным акцентом.

– Вот именно. Поэтому он надел тёмное пальто, чтобы запомнили только верхнюю одежду, и нацепил бородку, но руки не спрячешь. Если они очень длинные, то таковыми и останутся. Значит, господа, мы имеем только одну неоспоримую приметку – длинные руки. На остальные можно не обращать внимания, ибо они только для отвлечения.

– По одним рукам нам его не найти.

– Есть и вторая примета – склонность к театральному реквизиту.

– Но в столице столько театров, и столько занято в них народу, что навряд ли нам хватит времени, чтобы проверить каждого, – покачал головой Маршалк.

– Карл Петрович, вы правы, но мы не можем дожидаться, пока преступник не совершит второе убийство.

– Вы доподлинно об этом знаете? – тихо спросил помощник.

– Нет, я об этом не знаю, – так же тихо ответил Владимир Гаврилович, – но мы не можем сидеть и ждать, пока в наших газетах не появятся статьи о кровавых преступлениях среди белого дня на Невском проспекте.

– Газетчики могут...

– Вот я и не хочу, чтобы в городе возникла паника.

## Глава третья

### Жертва номер два

За окном давно поднялось июльское солнце.

Была середина лета, начинался пятнадцатый день июля.

Город очнулся от ночной спячки. Загудел, зашумел. Голоса вначале звучали громко и отчётливо, но постепенно стали глуше и теперь напоминали гудение пчелиного роя. По улицам торопливо проезжали телеги, гружённые товаром, и экипажи, уносящие чиновный люд по рабочим местам.

Коридорный поднялся на третий этаж. В двенадцатом номере всю ночь гулял на широкую ногу подвыпивший купчина. Слава богу, что не дошло дело до полиции. Иначе протокол и обычная суета, а может быть, красненькая городовому – и вся недолга.

Дверь девятого номера отворилась, и на пороге застыл от неожиданности молодой человек в широкополой шляпе и тёмном до пят пальто. Глаз его было не видно, но, судя по всему, он был чем-то напуган. Правой рукой сжал ручку так, что побелели костяшки пальцев, а левая заметно подрагивала. Постояв так несколько секунд, постоялец сделал шаг назад и притворил дверь.

– Вот что, Аришенька, затворись, – голос его предательски подрагивал, – и спи, душенька. Я предупрежу, чтобы тебя не беспокоили, – и, снова открыв дверь, вышел в коридор.

Коридорный не услышал ни щелчка замка, ни лязганья цепочки. Он заученно улыбнулся молодому человеку и про себя отметил, что у последнего так длинны руки, что сразу бросаются в глаза.

– Братец, – тот подошёл к коридорному и протянул пятиалтынный, – вот тебе за труды. – Голос звучал всё также глухо, но теперь спокойно и размеренно.

– Благодарствую, барин, – коридорный по имени Василий, на вид тридцати – тридцати двух лет, поклонился.

Молодой человек добавил:

– Через час разбуди мою даму, пусть голубушка после трудов праведных поспит, а то она смертельно устала.

Василий понимающе улыбнулся, ожидая, что постоялец подмигнёт: мол, вот такие у неё труды. Но широкие поля шляпы позволяли разглядеть только скривившиеся в хищной улыбке губы и аккуратно подстриженную бородку. Над воротом рубашки была видна ранка с запёкшейся кровью.

– У вас... – начал коридорный, но сразу же умолк. Пальцы молодого человека несколько раз нервно сжались в кулаки. Василий так и не сказал о видневшейся из-под ворота глубокой царапине.

– Разбуди обязательно через час, – теперь в его голосе Василий уловил насмешливо-угрожающие нотки.

– Как изволите! Непременно разбужу через час, исполню, как вы велели.

Молодой человек, ничего не сказав в ответ, направился к лестнице, чтобы спуститься на первый этаж и покинуть гостиницу «Дунай».

Ровно через час Василий подошёл к двери, на которой красовался номер «9». Вначале тихонько постучал, но никто не ответил. Потом громче – опять в ответ тишина.

Коридорный занёс руку для более сильного удара, но дверь сама собой приоткрылась.

– Эй, есть, кто живой? – пошутил Василий и сам улыбнулся собственной шутке. В образовавшуюся щель потянуло чем-то приторно-сладким и до боли знакомым. Сердце коридорного тревожно забухало, как вечевого колокол, возвещающий об опасности.

Василий попытался заглянуть в щель, но увидел только угол постели и бледную руку с красными полосками. Он притворил дверь и вновь постучал – на сей раз настойчиво, словно отгоняя мысль о том, что увидел. В голове колотилось одно слово: «кровь», но он не хотел верить собственным глазам. Наконец, набравшись смелости, он приоткрыл дверь наполовину.

Обнажённая девица лежала поперёк кровати, устремив остекленевший взгляд левого глаза на коридорного, нарушившего её вечный покой.

Василий не закричал, лишь тихонько прикрыл дверь. С минуту постоял в задумчивости, затем сорвался с места и побежал докладывать о чрезвычайном происшествии вышестоящему начальству.

За две недели поисков сыскная полиция ничуть не продвинулась на пути к успешному завершению дела об убийстве Анны Блюментрост. Получили нарисованный со слов свидетелей портрет, и не более. Оставалась только одна примета – длинные руки. Если поначалу обращали внимание на мужчин с такой приметой, то постепенно она ушла на второй план.

Телефонный аппарат затрещивал в девять часов три минуты, и взволнованный голос, прерываясь на каждом слове тяжёлыми вздохами, проговорил.

– У нас женщину убили.

Дежурный чиновник выслушал и начал задавать вопросы.

– Где находится убитая?

– В гостинице «Дунай», в девятом номере.

– Когда обнаружили тело?

– Несколько минут тому, всё в крови и девица ножом изрезана.

– Кто её нашёл?

– Василий, коридорный.

– Имя убитой известно?

Человек по ту сторону опешил, потом взял себя в руки.

– Коридорный говорит, что проститутка со Знаменской площади.

– Проститутка?

– Ну, мы, это... Номера часами сдаём.

– Понятно. Ждите, выезжаем.

К счастью, Филиппов оказался в рабочем кабинете – хотел с утра в тишине разобрать скопившиеся бумаги, пока не началось хождение горожан с заявлениями и просьбами.

– Владимир Гаврилович, – дежурный чиновник одновременно стучал в дверь и звал начальника.

Отворил сам Филиппов.

– Что стряслось?

– В гостинице «Дунай» совершено убийство девицы. Судя по полученным сведениям, нанесено множество резаных ран.

– Вызовите автомобиль из гаража, Бубнова, Маршалка, ну и, как полагается, эксперта, доктора и фотографа. Да, лучше, будьте любезны, телефонируйте доктору первого участка Александров-Невской части господину Чижу, спросите, не согласится ли он выехать на обследование молодой девицы, и расскажите о резаных ранах. Если он не сможет, то пригласите нашего. Хотя лучше сразу вызывайте заодно и нашего доктора.

– Владимир Гаврилович, кого из следователей приглашать?

– Постойте, Фёдору Григорьевичу я телефонирую сам.

Филиппов рассудил, что если второе убийство, как его описывал дежурный, похоже на первое – девицы Блюментрост, то следует оба этих дела вести совместно, а значит, следствие должен возглавлять один и тот же человек, то есть Петровский.

Нехорошее предчувствие охватило Владимира Гавриловича. Ещё одна убиенная, наподобие той, с Калашниковской набережной. Тогда только и узнали, что про руки, а преступник словно в воду канул. Ведь приметное пальто, шляпа, борода к тому же, а толку никакого. До каждого городского доведено, но толку нет. Если в первые дни хотя бы доставляли кого-то в участки, то сейчас никакого движения.

Градоначальник по секрету сказал, что смерть проституток не так уж и важна, но если изверг станет резать мещан и, не дай бог, кого из дворян или знати, то тогда разразится большой скандал и многие повинные головы полетят с плеч. Не буквально, конечно, но постов лишатся многие, в том числе, как это ни прискорбно, приставы участков и, может быть, сам Филиппов. За свою должность Владимир Гаврилович не держался, хотя распутывание клубка преступлений свидетельствовало о живой работе. Это не сидение в канцелярии и не перекладывание бумаг, пришедших от начальства и от подчинённых.

Через восемнадцать минут начальник сыскной полиции и агенты прибыли на место.

Трёхэтажное здание цвета морской волны выходило фасадом на Лиговский проспект. Окна, окантованные побелкой, бездушно смотрели на город. Казалось, что даже они молчаливо свидетельствуют о разыгравшейся в третьем этаже трагедии.

Филиппов остановился у двери под номером девять и, не оборачиваясь, спросил у сопровождающего его управляющего:

– Туда кто-нибудь заходил?

– Только Василий, наш коридорный, – с угодливостью произнёс бархатным тоном служащий гостиницы и тут же затараторил: – Но он, как с порога увидел, спаси нас господи, – управляющий истово перекрестился, – так дверь прикрыл и ко мне. Ну, а я сразу же телефонию вам. Нам, господин Филиппов, огласки не требуется, – и, понизив голос добавил, – отблагодарим по-царски.

Начальник сыскной полиции обернулся и так взглянул на управляющего, что тот задом ретировался за спины докторов и эксперта.

Филиппов толкнул тростью дверь. Она едва слышно скрипнула.

Владимир Гаврилович повернул голову к эксперту и врачам.

– Если позволите, я взгляну на девицу. Обещаю, что ни к чему не прикоснусь. Даже случайно.

Он вошёл первым и остановился у порога.

Комната была небольшой. Ничего лишнего для подобных почасовых гостиниц: большая кровать, застеленная свежим бельём, небольшой овальный столик, на котором стояла ваза с фруктами, бутылка вина, два наполненных наполовину фужера, два кресла с изящными спинками и почти воздушными ножками. Тяжёлые шторы на окнах были раздвинуты, сквозь прозрачный тюль падал дневной свет.

Владимир Гаврилович остановился у постели, поперёк которой лежало бездыханное тело. Одно плечо обнажено, белая нижняя сорочка потемнела от запёкшейся крови. Странно было, что живительной жидкости, которую гоняло по венам когда-то сердце, натекло не так уж и много. Лица девицы начальник не мог разглядеть – оно было исполосовано тонкими порезами, нанесёнными острым лезвием или бритвой. Волосы, тёмные от природы, ещё больше почернели от крови. На руках порезов не наблюдалось. Судя по рукам и телу, девица была еще молода.

– Господа, – начальник сыскной полиции потухшим взглядом окинул эксперта и докторов, – благодарю за предоставленную возможность осмотреть комнату. Можете приступать к своим обязанностям.

С этими словами он направился к управляющему, который, казалось, стал ниже ростом и боялся посмотреть на сыскного начальника.

– Где ваш Василий?

– Одну минуточку, вам прислать его сюда?

– Нет, проведите меня к нему. – Филиппов обернулся и окликнул Бубнова: – Иван Григорьевич, прошу следовать со мною.

Пройдя дальше по коридору третьего этажа, Филиппов строго сказал полицейским, стоящим в охранении места преступления:

– Никого не пускать. А вы ведите, – обратился он к управляющему.

Пока шли по лестнице, Филиппов времени зря не терял.

– Скажите... – Владимир Гаврилович вопросительно посмотрел на управляющего.

– Степан Иванович, – поспешно отозвался тот.

– Скажите, Степан Иванович, в котором часу заняли девятый номер?

– В десять.

– Стало быть, в десять. Понятно.

– Извините, – смутился управляющий.

Начальник сыскной полиции понял причину смущения и сам отрекомендовался.

– Филиппов Владимир Гаврилович, начальник сыскного отделения.

Позвоночник Степана Ивановича, словно гуттаперчевый, выгнулся вопросительным знаком.

– Очень приятно.

– Степан Иванович, вы мне расскажите, кто пришёл первым? Какими именами представились? Всё, что знаете.

– Первым пришёл молодой человек. У нас на ту пору свободным оказался только девятый номер в третьем этаже. Он немного подумал и согласился.

– Он один поднялся наверх?

– Так точно, взял ключ, сказал, что хочет подарок даме оставить.

– Значит, в руках что-то нёс?

– В том-то и дело, что с пустыми руками он был. Знал бы я...

– Вы его хорошо рассмотрели?

– Да нет, я не приглядывался. У нас здесь много всякого народу бывает, так что каждого не запомнить. Но, – управляющий сморщил лоб, – меня поразило, что в пальто он в летнее время ходит и шляпу с такими большими полями носит, что и лица толком не рассмотреть.

– Приметы какие-нибудь запомнили?

– Только бородку, такую небольшую, с аккуратностью подстриженную.

– И какими именами они записались?

– Мишутин и Иванова.

– Так сразу вы запомнили?

– Нет, – сознался управляющий, – я в журнал посмотрел.

– Документов он вам не показывал?

– Помилуйте, господин Филиппов, какие документы, мы ж номера почасово сдаём, и к нам кто только не приходит. А уж женатые мужчины или замужние женщины, так те тоже вымышленными именами представляются.

– Хорошо. На сколько часов этот Мишутин номер взял? На двенадцать?

– На двенадцать, это я по книге сверился. В девять они должны были освободить.

– Вы встречали ранее постояльца?

– Трудно сказать из-за шляпы, лица же я толком не разглядел. Бородка, и более ничего.

– А голос?

– Голос? – удивился Степан Иванович.

– Может быть, ранее где слышали?

– Гм-м, господин Филиппов, – управляющий даже приостановился на ступеньке, – озадачили вы меня своим вопросом. Подлинно сказать не могу, но вроде бы голос мне незнаком. Нет, – он покачал головой, – не слышал.

– Не заметили, что под пальто на нём было?

– Не могу знать, пальто застёгнуто было у него под самый подбородок, да и ворот поднят, – припоминал управляющий, показывая руками.

– Из-под пальто, видимо, выглядывали носки сапог или туфель?

– Простите, но я не обратил внимания. Хотя постойте, – обрадовался Степан Иванович, – когда он повернулся, то я ещё подумал о высоких каблуках.

– О высоких каблуках?

– Именно, что он старался казаться выше, чем есть на самом деле. И в туфлях он был, точно, в туфлях. И тоже чёрного цвета, как пальто.

Спустились на первый этаж к рабочему кабинету управляющего, где у стены стоял, словно нашкодивший мальчишка, Василий с бегающими маленькими глазками, с испугом поглядывая на Степана Ивановича.

Филиппов попросил управляющего оставить их одних.

– Значит, ты, Василий, обнаружил убитую?

– Так точно, обнаружил.

– И при каких обстоятельствах?

– Так оно и обстоятельство-то не было, – начал коридорный, но почти сразу же смутился под пристальным взглядом начальника сыскальной полиции.

– Ты мне всё выкладывай без утайки, я ж всё равно узнаю правду.

– Так я же и...

– Я слушаю.

– Вчерась барин этот пришли вечером и заняли свободный номер...

– В котором часу?

– В десять.

– Почему запомнил?

– Так у нас сдача номеров почасовая, вот и приходится блюсти время.

– Ясно, дальше что?

– Посмотрел господин, выглянул в окно и сказал, что сгодится. Посетовал, что не в первом этаже. После сказал, что с дамой придёт через час. Достал из кармана трёшку и приказал принести фруктов и вина к их приходу.

– Трёшку достал из бумажника?

– Не, из карману. Мне почудилось, что он ранее приготовил.

– Лицо господина видел?

– Только бороду, такую маленькую, и, я заметил, без усов.

– Ты видел, как он даму привёл?

– Отлучился я на минутку, он в это время и пришёл.

– Как в номер попал?

– Так я ему ключ вручил.

– Шум какой-нибудь ты слышал или запомнил ещё что?

– У нас сегодня ночью в двенадцатом один купец из Гельсингфорсской, – он старательно произнёс, – губернии кутил, так больше шуму от него было.

– Ни криков, ничего?

– Истинно говорю.

– Что утром произошло?

– Вышел этот господин в коридор, как меня увидел, так дверь чуть приоткрыл и в неё говорит: ты, мол, голубушка, устала, так поспи немного. Дверь прикрыл и мне сказал: ты её не трогай до положенного часу, устала она смертельно, – Василий перекрестился. – Знать бы... – и махнул рукой.

– Что дальше?

– Ну что? Через час стучу в дверь, а ответа нету. Я сильнее, а дверь возьми да открываться начала. Я, как положено, позвал, но тишина. Номер-то освобождать надо, время выходит, ну я и заглянул. Сперва руку на кровати увидел, а уж потом её, бедную, всю в крови. Ну, я к Степану Иванычу: так, мол, и так. Он вам телефоновал.

– Никто в номер больше не заходил?

– Никто, только я. У нас с этим строго.

– Что-нибудь в том господине запомнил? Или приметку какую увидел?

– Ничего особенного, но пальто на нём висело, словно не по нему сшито, а с чужого плеча. Туфли не новые, а руки... – глаза Василия расширились и засветились радостными искорками, – руки чуть ли не до коленей.

– Важная примета. А убитую ты узнал?

– Я ж всех девиц со Знаменской знаю, частенько тут у нас номера занимают.

– Как имя убитой?

– Звали Катериной, а вот фамилия странная у неё, то ли Гарас, то ли Герас... Во, вспомнил, – Герус. В точности – Катерина Герус.

Филиппов повернул голову к Бубнову.

– Иван Григорьевич, будь любезен, проверь Екатерину Герус. Кто, что, откуда, ну и опроси девиц со Знаменской площади.

Чиновник по поручениям кивнул головой.

Владимир Гаврилович вновь поднялся на третий этаж. Остановился у двери в девятый номер, в котором доктора стояли у окна. Курили папиросы, тихо переговариваясь.

Первым подошёл эксперт.

– В номере столько отпечатков, что не разобраться.

– А на бокалах и бутылке?

– Одни – девицы, а другие принадлежат лицу, пока нам не известному.

– Одним словом – убийце.

– Возможно.

Филиппов подошёл к докторам.

– Что скажете, господа?

Корнелий Адамович и полицейский врач Стеценко переглянулись, чтобы определиться, кто будет рассказывать первым. Начал старший по должности Пётр Назарович.

– Если коротко, то девица задушена около полуночи. Она пыталась сопротивляться, но поскольку нашего убийцы длинные руки, она не смогла достать до его лица, поэтому поцарапала ему только руки.

– Это доподлинно известно?

– Да, под ногтями остались частицы кожного покрова. После этого убийца в течение долгого времени наносил ей острым ножом или бритвой колото-резаные раны, общим числом около двадцати, точнее скажем после вскрытия.

– Долгого времени? – переспросил Филиппов.

– Из некоторых ран текла кровь, значит, нанесены они были сразу же по удушению; другие – бескровны.

– Получается, что убийца сидел возле трупа целую ночь и периодически наносил удары?

– Получается, что так, – выпустил белую струю папиросного дыма Чиж. – Убийца, я думаю, человек неуравновешенный, и злость вскипала в нём через какие-то промежутки времени.

– Почему же он не скрылся сразу, а стал дожидаться утра? – спросил начальник сыскной полиции и, не дожидаясь ответа, рассказал о том, как утром убийца не растерялся, а попросил коридорного разбудить девицу через час.

– Здесь я ничего не могу вам сказать, – сказал Стеценко. – Прямо-таки... – запнувшись, он не договорил.

– Странно, что не ушёл под шумок ночью. Рядом всю ночь куролесил купец. Никто, правда, на него не жаловался, но пир у него стоял горой.

– На ваш вопрос, любезный Владимир Гаврилович, может ответить только сам убийца. Нам, к сожалению, его поступки и мысли не известны. Чужая душа – потёмки.

– Пусть так, но вы можете сказать, второе убийство – дело рук того же изверга, что и на Калашниковской набережной? – Филиппову хотелось убедиться, что преступник, появившийся в городе, был человеком неуравновешенным. Искать умного и расчётливого убийцу труднее, но... всё же спокойнее, чем непредсказуемого.

– Та же рука, Владимир Гаврилович, – задумчивый вид Чижа тоже говорил о некоторой обеспокоенности, – та же.

– Мне сложно судить, – задымил новой папиросой Стеценко, – но такое мог совершить больной человек, обозлённый на определённый сорт людей, а именно – на девиц, продающих своё тело. К тому же я ранее ознакомился с отчётами, донесениями, опросами свидетелей и актом вскрытия. Действительно, мы имеем дело с одним и тем же преступником. Скорее всего, его юности или более старшем возрасте обидела женщина с тёмными волосами, невысокого роста...

– Не слишком крупного сложения, – дополнил Чиж, сжав губы.

– Первую девицу я не видел, но если уважаемый Корнелий Адамович так говорит, то я не вправе оспаривать данный факт. Потом, мне кажется, что убийца, как бы выразиться...

– Трусоват, – подсказал Филиппов.

– Точно, трусоват, если с девицами поступает таким образом.

– Чтобы его не заметили и потом не опознали? – спросил Корнелий Адамович.

– Именно так.

– Здесь я с вами, Пётр Назарович, не соглашусь, – Владимир Гаврилович задумчиво посмотрел куда-то вверх. – Он идёт в гостиницу, где его наверняка запомнят, занимает номер и имеет наглость сказать коридорному, чтобы разбудил девицу в девять. Он знал, что через час сюда прибудет полиция для проведения дознания. Нет, он не трус. Я более склоняюсь к вашей мысли, что он обижен, неуравновешен и очень мстителен. Наломает он дров, из маленького костерка большой запалит.

– Всё-таки трусоват, дорогой Владимир Гаврилович. Не стал бы рискованный господин сперва душировать девицу, а потом вымещать злость на безжизненном теле.

– Но я тоже дополню ваши слова, любезный Пётр Назарович, – улыбнулся Филиппов, – вы сами говорили, что убийца неуравновешен. И удушил он девицу в припадке гнева, а потом свою промашку вымещал уже на трупе.

– Господа, господа, – подал голос Корнелий Адамович, – вы мне напоминаете петухов, встретившихся на узкой дорожке. Слушая ваши рассуждения, я, как сторонний наблюдатель, вижу, что вы оба правы. И в аргументах каждого из вас есть резон. Да, с одной стороны, кажется, что преступник трусоват, но в то же время привести проститутку в гостиницу, где его запомнят свидетели, утром не растеряться, а разыграть перед коридорным целую сцену, – для этого надо иметь определённое самообладание. – Господа, у нас на руках второй труп, – Филиппов оперся о стол, – убийство совершено одним и тем же господином. Он даже не сме-



нил ни одежды, ни шляпы, не сбрил бороды. Я не понимаю, то ли это бандитская бравада, и он считает, что мы не сможем его обнаружить, то ли он уверен в своей полной безнаказанности.

– Владимир Гаврилович... – начал было помощник Маршалк.

– Я уже сорок шесть лет, как Владимир Гаврилович, но такого унижения, как со стороны этого убийцы, я прежде никогда не испытывал. – Круглое лицо начальника сыскной полиции пылало то ли от гнева, то ли от стыда.

– Владимир Гаврилович, – поднялся со стула Бубнов, – мы делаем всё возможное. Девушки на улицах и в домах терпимости предупреждены, городским доведено, в каком виде ходит преступник, но он как в воду канул.

– Садись, – отмахнулся Филиппов. – «Как в воду канул», – недовольно пробурчал он. – Вот и не канул, а оставил нам на руках второй искромсанный труп. Газетчики всю смакуnder подробности – и те, что имеют место на самом деле, и те, что они в силу своей фантазии выдумывают, пугая обывателей кровавыми несуществующими деталями. – Он повернулся, прошёл к стулу за рабочим столом и сел.

– С прессой сложно справиться, – не унимался Бубнов, так и не присевший на стул, – слишком много в столице газет и ещё больше газетёнок.

– Что ты предлагаешь?

– Для начала разрешите доложить о том, что мы имеем.

Филиппов махнул рукой.

– А имеем мы два обезображенных трупа, – Иван Григорьевич больше других чиновников по поручениям занимался этими злополучными убийствами и поэтому знал больше других. Сегодняшним днём он возил на опознание последней жертвы её товарок, работающих на Знаменской площади. – Первый – с Калашниковской набережной – Анны Блюментрост, приехавшей год тому в столицу с заменительным билетом. Жила скромно, не привлекая лишнего внимания. Была невысокого роста, стройного сложения, с тёмными волосами. Жила на Конной улице. Второй – Екатерина Герус, эта родилась и выросла в Санкт-Петербурге. Забегая вперёд, отмечу, что она тоже была стройной, невысокого роста брюнеткой, из чего можно сделать вывод, что убийца подбирает жертв определённой внешности. Это необходимо указать городским и сыскным агентам. Обе ничем особым среди панельных работниц не выделялись, обе имели сожителей или, правильнее сказать, сутенёров. Теперь к убийствам. Если первой девушке нанесены колото-резаные раны, пока она находилась в сознании, то вторая сперва задушена, после чего, подумайте только, целую ночь изувер провёл рядом с её телом, периодически нанося удары.

– Сожители проверены? – спросил кто-то из чиновников.

– Проверен один, в день убийства он находился совсем в другом месте, чему есть подтверждения свидетелей. Второго найти пока не удалось.

– Может быть, он и скрылся из-за этого?

– Найдём – опросим, а сейчас ищем.

– Под какой фамилией убийца записался в гостинице?

– Николай Мишутин. Таких, согласно Адресного стола, в Санкт-Петербурге оказалось тридцать два, возрастом подходит двадцать один. С позволения Владимира Гавриловича я каждому из вас передам список, чтобы вы в своих частях проверили этих горожан, хотя надежды на то, что он представился своим настоящим именем, немного.

Чиновники по поручениям сыскной полиции были приписаны к тем или иным частям и имели приоритетную возможность вести дознание на своей территории.

– Но проверить всё равно надо, – подал голос Филиппов. – За две недели поисков у нас одна-единственная примета – длинные руки. Это всё, что мы с вами, сыскная полиция столицы, сумели разузнать. Если так пойдёт и дальше... – Владимир Гаврилович замолчал, покачивая головой. – Теперь ещё одна деталь: ни над первой, ни над второй не было совершено насилие...

– Насилие над такого сорта девицами... – начал было кто-то из чиновников, но Владимир Гаврилович скрипнул зубами.

– Да, ни над одной не совершено насилие, – повторил он.

– Таким образом, убийца хочет достичь другой цели, – опять поднялся Бубнов. – Запугать девиц?

– Не только девиц, – дополнил Филиппов, – всех горожан. Мол, что хочу, то и творю, и главное, что полиция мне не указ. Вот так, господа. Я более вас не держу. Если узнаете что-либо по делу, докладывайте в любое время дня и ночи. Мои двери для вас всегда открыты. Бубнов, будь любезен, задержись на минуту.

Иван Григорьевич не стал подниматься, когда расходились остальные чиновники.

– Что там сидишь? Давай ближе, – Филиппов указал на стул, стоящий у стола.

Бубнов пересел.

– Есть у меня одно соображение... – не слишком уверенно заговорил чиновник по поручениям, глядя в пол.

– Выкладывай, Иван Григорьевич, выкладывай, сейчас всякое предложение дорого, даже самое неисполнимое.

Корнелий Адамович, вытирая руки белым бумажным полотенцем, повернул голову к старшему врачу полиции Стеценко.

– Сколько ни вижу убиенных, но каждый раз закрадывается мысль: чего ж не хватает извергам? Как они свою жизнь оценивают? А если их точно так же? Таким же способом? – поиграл желваками.

– Позвольте? – Стеценко достал из портсигара папиросу.

– Да ради бога.

– Угощайтесь.

– Благодарю, но после вскрытия у меня нет особого желания.

– Девицу жалко, могла бы жить. Всего-то двадцатый год пошёл.

– Жалость должна быть присуща врачу, но увы – она сама выбрала свою судьбу, никто её не толкал на панель.

– Не могу согласиться – туда её толкнула сама жизнь. Я, конечно, не знаю, кто она, в какой семье родилась, но обстоятельства порой сильнее нас. Не мы выбираем, а нас.

– Хорошо, Пётр Назарович. Наш спор бесперспективен, поскольку вы не оступитесь от своего мнения, а я – от своего. И будем друг другу доказывать точку зрения, которую не собираемся менять.

– Вы правы.

– Давайте лучше о девице – нам с вами ещё акт составлять, а там наше мнение должно совпадать, иначе наши сыщики сломают головы. Так что вы думаете по поводу сегодняшнего вскрытия?

– То, что говорил ранее. Девушку убийца задушил, а уж потом начал наносить резаные раны. Об этом свидетельствует то, что на руках нет порезов. Значит, она не пыталась закрыться от ножа или бритвы, но при удушении царапала руки преступника. Видимо, хотела вцепиться ему в лицо, но не дотянулась. Как в каламбуре, руки оказались коротки.

– Здесь наши мнения совпадают, но Владимир Гаврилович задал правильный вопрос – почему убийца не ушёл ранее? Почему?

– Может быть, хорошо знал девушку? – высказал предположение Стеценко. – И хотел провести с ней последнюю, так сказать, ночь?

– Ваша версия имела бы право на жизнь, если бы не одно «но»...

– И какое же?

– То, что он не тронул девицу и не подверг насилию, говорит в пользу вашей версии, но почему же он не тронул и девицу с Калашниковской набережной? Не верю я, что убийце были близки столь разные женщины. Хотя, – с сомнением в голосе закончил Чиж, – может быть, девицы из одного края?

– Любезный Корнелий Адамович, над этим пусть ломают головы сотрудники Филиппова. В котором часу преступник задушил девицу?

– Исходя из температуры тела, уличной погоды, я бы сказал, от одиннадцати до часу, – Чиж пытливо посмотрел на старшего полицейского врача.

– Согласен. Оба успели выпить по фужеру вина, она – съесть яблоко. Любопытно, о чём они беседовали перед трагическим происшествием.

– Не думаю, что о высоком, – позволил себе улыбнуться Чиж.

– Смотря что понимать под высоким, – Стеценко выпустил изо рта струю белого папиросного дыма. – Для крестьян это одно, для мещан – другое, для дворянского сословия – третье. Так что высокое может быть разным.

Почти минуту сидели в молчании. Филиппов с интересом поглядывал на чиновника по поручениям. Тот машинально сжимал и разжимал пальцы.

– Так какое у тебя, Иван, возникло предложение?

– Боюсь, Владимир Гаврилович, предложение слишком сложное и неосуществимое.

– В каждой безумной идее есть рациональное зерно, так что рассказывай. Ты ещё не знаешь, какие возникали у меня, когда я был судебным следователем в Радомской губернии. Выкладывай.

– Владимир Гаврилович, сейчас я вижу, что моё предложение едва ли не безумней, чем действия нашего убийцы. Но если вы хотите услышать, то извольте. У каждого из нас есть собственные осведомители в разных слоях населения. Что если напрячь силы и подсунуть убийце «подсадным уток»? То есть мы знаем, что ему нравятся невысокие стройные брюнетки. Почему бы по городу – а мы знаем, где фланируют девицы, – не пустить наш, так сказать, крючок...

– Ты предлагаешь ловить на живца?

– Именно. – Бубнов оживился, но потом вновь потупил голову. – Я сам понимаю всю абсурдность моего предложения. Это безумие еще хуже, чем у нашего убийцы.

– Н-да, предложение было бы хорошим, если бы мы знали, в каком из участков обитает преступник. А так, – Филиппов хотел себя сдержать, но не стал, – нам не приставить к каждой девице по переодетому полицейскому, тем более что во второй раз убийца появился через две недели после первого преступления. Когда появится в следующий раз, нам неизвестно, так что ты правильно сказал – безумная идея. Это я тебе не в упрёк, – добавил Владимира Гаврилович, уже более раздумчиво, – это я от того, что у меня самого нет никаких идей. Не знаю, за какую ниточку бы схватиться. Вот так-то, Иван. Но предложение о крючке не прячь далеко, может, и пригодится.

– Владимир Гаврилович... – Бубнов сидел, понурившись, уперев взгляд в пол.

– Постой, – Филиппов сузил глаза, выпятил нижнюю губу, потом в упор взглянул на Ивана Григорьевича. – В столице на сегодняшний день зарегистрировано тридцать восемь домов терпимости.

Вот в них наш убийца не посмеет сунуться. Знаешь, почему? Я доподлинно тоже не знаю. Но подозреваю, что там у него не будет времени, чтобы без спешки, растягивая удовольствие, резать своих жертв. А значит, все наши усилия необходимо сосредоточить на улицах. Это немного облегчает задачу, но, к сожалению, не так сильно.

– Всё-таки, если живца?.. – не удержался Иван Григорьевич.

– Сомневаюсь, чтобы мы охватили все места, да и людей у нас маловато.

– Но градоначальник...

– Выделит он городских, – перебил Филиппов, – а их если и переодеть в гражданское платье, так всё равно в них угадываются полицейские. Нет, они не подойдут. Нам бы хоть приблизительно знать, в какой части города он обитает... Вместо этого имеем второй труп, а убийца, словно фокусник в цирке, взял да испарился без следа. Мы упустили из вида, что рядом с гостиницей стоят другие дома, в них живут люди, рядом метут улицы дворники – их всех надо опросить. Вдруг что видели. Может быть, обратили внимание на нашего убийцу, вспомнят хотя бы, в какую сторону он пошёл, – тоже нам польза.

– Разрешите мне заняться поисками свидетелей.

– Нет, Иван, ты займись девицами со Знаменской площади. Их тоже надо опросить: вдруг кто что видел, слышал, о чём беседовали Екатерина Герус и убийца, может быть, вспомнят лицо, не знаю, шарф на шее или перстни какие на пальцах. Нам важна любая мелочь, даже самая незначительная, что на твой, что на их взгляд. Видели ли девицы убийцу ранее или нет?

– Хорошо, Владимир Гаврилович.

– Непредсказуемость – беда сыщика. Случается, преступник поступает так, как велит правая рука, и тут же слушает левую, отчего мечется из стороны в сторону. Так что, Иван, всегда думай, прежде чем что-то предпринять.

Когда Бубнов вышел из рабочего кабинета начальника сыскной полиции, Владимир Гаврилович откинулся на спинку стула и заиграл желваками. Покачал головой, то ли с чем-то не соглашаясь, то ли ругая самого себя. Две недели со дня первого убийства пролетели впустую. Сведений не собрано никаких, ни одного задержанного в городе, даже по имеющимся приметам. То ли городские разучились присматриваться к людям, то ли им нет дела до того, что в столице появился кровожадный убийца.

Филиппов встал со стула, подошёл к шкафу, открыл дверцу и достал из глубин бутылку французского коньяку и маленькую рюмку. Налил ее до краёв и осушил одним глотком. Живительное тепло разлилось по всему телу. Он налил вторую. Опять покачал головой. Когда ищешь убийцу, совершившего преступление по глупости или намеренно, время, конечно, тоже важно, но не до такой степени, как в этот раз. Как правило, методично и скрупулёзно проверяешь всех, ищешь улики и доказательства, но на сей раз только и делаешь, что ждёшь телефонного звонка о новом зверском убийстве. Девицы, как их ни предупреждай, всё одно будут выходить на охоту за клиентами, даже зная приметы изверга... Филиппов выпил одним глотком вторую рюмку, поставил бутылку на место и закрыл дверцу.

Подниматься в квартиру, находящуюся этажом выше, ему не хотелось – там дочь Верочка щебечет о своих ещё детских делах, и слушать её после недавних событий тяжело.

## Глава четвёртая

### Опросы, допросы

Бубнов вышел от начальника не то чтобы в полностью расстроенном состоянии духа, но близко к тому. Он и сам понимал, что в каждом месте, где собираются и фланируют девицы, полицейского, а тем более сыскного агента не поставишь. Тем паче – возле каждой «ночной бабочки».

Постоял у кабинета Филиппова, подумал. Девицы выходят на поиски клиентов в основном под вечер. Сейчас самое время навестить Знаменскую площадь и расспросить скупающих работников телесного труда.

У выхода Бубнова остановил дежурный чиновник.

– Иван, там, на улице, тебя молодой человек дожидается. Я его пускать к тебе не стал, ты был у Владимира Гавриловича. Тем более что он, – чиновник кивнул головой в сторону выхода, – странно выглядит: взъерошенный какой-то, хотя и прилично одетый.

– Благодарю, – ответил Бубнов. – Где он сейчас?

– Вон, видишь, на другой стороне улицы, в шляпе котелком.

Иван Григорьевич кивнул и направился к выходу.

Напротив, у дверей «Северного отеля», стоял Симеон Косоротов, сожитель найденной в Неве, у Калашниковской набережной, Анны Блюментрост. Он то и дело переступал с пятки на носок, заложив руки за спину. Лицо его выражало крайнюю степень раздражения, подёргивался левый глаз.

– Значит, так... – начал он зло, но Бубнов его перебил.

– Ты бы, Симеон, сперва здоровья пожелал, а уж потом с претензиями ко мне подступал.

– Я...

– Да, Симеон, толчёмся мы на одном месте, хотя сами готовы этого калашниковского изверга на части покрошить.

– Слышал, ещё одну девицу порезали?

– Не порезали, а порезал, Симеон, и, видишь ли, опять ни одного свидетеля, словно преступник ходит по городу в шапке-невидимке и творит грязные дела.

– Кровавые, – дополнил Красный.

– Да, кровавые. Вот опять надо девиц расспрашивать. Ты со Знаменской площади многих знаешь? – поинтересовался Бубнов.

– Не всех, но некоторых знаю.

– Можешь помочь, как в прошлый раз?

– Могу, если сыскная полиция такая беспомощная.

– Это, Симеон, ты зря, – Иван Григорьевич не хотел вызывать раздражения у собеседника, поэтому говорил тихим, спокойным голосом, – мы ищем.

– Плохо ищите.

– Пусть мы плохо ищем, но что нашёл ты? – колко спросил Бубнов.

Симка Красный обиженно засопел.

– Вы же сыскная, а я так, погулять вышел.

– Вот именно, Симеон. Ты лучше расскажи, что там у вас болтают?

– Да ничего, – огрызнулся Красный, – говорят, объявился в столице вурдалак, который по ночам выходит на охоту и девиц режет почём зря.

– Это неудивительно, у трепачей язык без костей, вот и наводят страху на легковерных.

– Ну, вы же не словили злодея, вот и распускает народ языки.

– Девицы что говорят?

Симка успокоился и больше не метал в Бубнова молнии из глаз. Вначале сжал губы, потом повернул голову к собеседнику.

– Что им до слухов? От этого денег у них не прибавится, а жрать все хотят. Вот и идут, хоть какую-то копейку зашибить. Боятся, но идут. Правда, хорохорятся: мол, мы его одними руками поймает.

До Знаменской площади решили доехать на пролётке, благо извозчик согласился довезти до места всего за четвертак.

Пока ехали, молчали, смотрели, как орлы на гербе, в разные стороны. Да и говорить особо не о чем было. Каждый думал о своём – Бубнов о предстоящем опросе девиц, а Симка злился, что до сих пор неизвестен убийца Анны. Ладно бы хоть имя знали, так ведь нет, ничего не известно. Сам бы собственными руками дух из изверга выпустил, а вместо этого сидит в пролётке и катит по Невскому проспекту.

Первую девицу встретили недалеко от гостиницы «Большая Северная». В тёмно-вишнёвом платье, с зонтиком в руках она походила на обычную горожанку, но оценивающий взгляд сразу выдавал особу определённого рода занятий. Подошли с двух сторон сзади. Симка сжал её правый локоть и сказал на ухо.

– Здравствуй, милая!

– Ой! – девица от страха замерла и уже собиралась закричать.

– Это ж я, Симка Красный! Ты что, меня не признала?

– Симочка, – обрадовано произнесла «камелия», приложив левую руку к груди. – А я-то думала... – и умокла, устремив пронзительный взгляд карих глаз на Красного.

– У меня к тебе разговор есть.

– С тобой, голубчик, не только разговоры могу вести, – улыбалась девица, забыв, что не прошло и пяти минут, как она осиновым листом тряслась от страха.

– Я к тебе без лишнего трёпа, – он жалостливо посмотрел с высоты своего роста на невысокую девицу с тёмными волосами, и его брови сошлись у переносицы.

– Я что? Я ничего, – дёрнула плечиком собеседница.

– Ты слышала, что с моей Анькой изверг сотворил и с Катькой?

– Слышала, – голос понизился до шёпота, и девица боязливо обернулась, словно убийца находился по соседству.

– Вот об этом с тобой и хочет поговорить Иван Григорьевич, – Симка указал пальцем на Бубнова.

Девица посмотрела исподлобья на спутника Красного.

– Не знала, что ты с фараонами якшаешься, – она произнесла эти слова совсем тихо, но явно желая, чтобы Бубнов услышал.

– Дура ты, – миролюбиво хмыкнул Симка, – не фараон он, а сыскарь, – и поднял вверх указательный палец. – Надо ж разницу понимать. И притом он ищет Анькиного убийцу.

Девица молчала.

– Вот ты не хочешь лишнего слова сказать, а может так статься, что изувер этот рядом стоит и на тебя нож свой вострый точит. Понимать должна, кому надо помогать. А кому... – Симка с досады сплюнул.

– Что от меня надо? – спросила собеседница.

– Скажите, вы вчера видели Катерину? – спросил Бубнов.

– Это которую сегодня?... – и она провела рукой по шее.

– Именно её.

– Ну, видела.

– Разговаривали?

– Нет, – пожала плечами, – так, перекинулись парой слов.

- И о чём?
- Да, не помню я. Пустой разговор. Порадовались, что погода стоит сухая, не то под дождём и заработка нет, и приболеть можно.
- Что ещё?
- Говорю ж, пустой разговор.
- Не видела, с кем она ушла?
- Отчего же? Видела.
- Какой он?
- Станный.
- Что значит «странный»?
- Не знаю, как объяснить, но когда говорит, речь течёт гладко, как у образованного человека, и так нежно, словно ручеек журчит, но при этом глаза у него злые, колючие. Будто так и норовят тебя насквозь продырявить.
- Ты его близко видела?
- Как вас, господин сыщик. Он же сперва ко мне подошёл, а потом к Катьке. Бр-р-р, – она вздрогнула, – как подумаю, что я там могла лежать, так оторопь берёт.
- Какого он росту? – Бубнов не сводил глаз с лица девицы.
- С вас, наверное, будет, – сморщила лоб собеседница, – лицо у него такое вытянутое, глаза злые, под шляпой чёрными казались. Волосы тоже скрыты были, а вот руки – чуть ли не до колен.
- Что на нём надето было?
- Пальто от шеи до пят, тёмное такое, а что под ним, так вам Катька могла сказать, – усмехнулась девица, – а я не видела. Что ещё? Туфли поношенные, со сбитыми каблуками.
- Может быть, он и имя назвал? – то ли всерьёз, то ли в шутку спросил Симка.
- Первым делом.
- Ну и?..
- Сказал, Вадимом зовут, и фамилию даже назвал, но такую странную, с кровью связанную, – она наморщила лоб.
- Вспоминай! – торопил Красный.
- Да вспоминаю я, – огрызнулась девица и шмыгнула носом, – вспоминаю... – Она потёрла нос, потом лоб, и вдруг её лицо озарилось радостной улыбкой, – Кровяник.
- Так прямо и представился?
- Именно! Я, говорит, Вадим Кровяник.
- Симка с Бубновым переглянулись.
- Значит, Вадим Кровяник.
- Я же сказала. Да вы других спрашивайте. К ним он тоже подходил.
- Хорошо. Стало быть, лица ты толком не рассмотрела, шляпа мешала, – сказал Иван Григорьевич. – А как он ходил: ссутулившись, прямо, ногу подволакивал? Может, ещё что?
- Нет, – девица покачала головой, – ничего такого не было, ходил, как все, только вот... – она вновь обрадовалась, – руки!
- Что руки?
- Беспокойные такие, будто своей жизнью живут. Он постоянно их то в карманы сунет, то вынет. И длинные они – почти до колен, как у этих... – она наморщила лоб, – обезьян со «Слонового двора».
- Постояли с минуту в молчании, которое нарушил Бубнов:
- Благодарим за ценные сведения.
- Неужели чем помогла?
- Помогла, – кивнул сыскной агент, – только ты осторожней, если увидишь его, беги подальше и зови городского. Поняла?

– Что ж не понять? И другим передам.

Отошли в сторону. Симка даже не пытался унять обуревающую его злобу, только сузил глаза и с ненавистью уставился в витрину лавки.

– Вижу, знаешь что-то. Поделись.

Красный пожал плечами.

– Знакомы имя и фамилия?

– Нет, таких не знаю.

– Может быть, это прозвище воровское?

– Не слышал. – Однако задумчивость с лица Симки не сходила.

– Ты смотри, если что знаешь, так сейчас скажи. И глупости не сотвори, – предупредил сыскной агент.

– Это какой ещё глупости? – вскинулся Красный.

– Ты сам знаешь.

– Поймаю – на части его порежу.

– Вот и я о том же. Порежешь его – и на каторгу загремишь. Если знаешь что, так расскажи. Мы его...

– Ага, – перебил Бубнова Симка, – на десять лет каторги его, а он через те годы выйдет и умнее будет, извращённое.

– Это мы ещё посмотрим, – Иван Григорьевич задумчиво смотрел на Невский проспект.

Из девиц опрашивали только определённого сложения – темноволосых, невысокого роста и не слишком широких в кости. И все как одна говорили, что да, пытался с ними познакомиться странный господин двадцати с лишком лет, с бородкой, но без усов, с безумным взглядом, и этот-то взгляд отталкивал девиц от клиента. Говорил вкрадчиво, словно поп на исповеди, пытался дотронуться и с собою увести. Но было видно, что во время этих прикосновений мужчину начинало трясти. И руки у него длинные, и говорил, что зовут Вадимом и каждой фамилию называл – Кровяник.

Утром о результатах опроса девиц со Знаменской площади Бубнов докладывал начальнику сыскной полиции.

– Значит, представлялся как Вадим Кровяник?

– Да.

– По картотеке нашей проверил?

– Пока нет, сразу же пойду.

– Думаю, ничего не отыщешь. Такого прозвища я ещё не встречал. Всякие были, но не такое, – покачал головой Филиппов. – А знаешь, что означает в переводе с древнерусского имя «Вадим»?

– Нет.

– Происходит оно от слова «вадити», что означает «обвинять», «сеять смуту».

– Вы хотите сказать, что этот самый Вадим Кровяник убивает темноволосых женщин из-за того, что мстит конкретной, которая его чем-то задела, нанесла смертельную обиду?

– Не исключаю такой возможности, не исключаю, – Филиппов тихонько постукивал карандашом по столу. – Всего двадцать с лишком лет, как показывают девицы, – и такая жестокость. Какую обиду могла нанести ему женщина, чтобы проявилась звериная натура?.. Хорошо, иди в картотеке проверь нашего Вадима Кровяника.

Владимир Гаврилович решил навестить давнего, так называемого «добровольного» агента, которого начальник сыскной полиции лет семь тому спас от более тяжкого преступления, чем кража. Филиппов не злоупотреблял встречами с бывшим преступником, хотя знал,



что тот иной раз прибегает к своему старому ремеслу, и навещался к нему лишь в крайнем случае. Сейчас, по его убеждению, именно такой случай настал.

Агента можно было встретить с утра в трактире «Царьград» на Слоновой улице. Любил он посидеть утром за чайной парой со свежим расстегайчиком.

До трактира Филиппов добрался в экипаже, хотя извозчика попросил остановиться ранее, чтобы и пройтись по свежему воздуху после сидения в рабочем кабинете, и не привлекать к своей персоне излишнего любопытства. Мало ли что, а добровольный агент ещё пригодится. В столице преступлений совершается много, все не раскроешь и за всем не уследишь, а надо. Тем более надо черпать сведения об этом мире, столь не похожем на статский.

Владимир Гаврилович вошёл в заведение. Агент сидел в дальнем углу за традиционной парой – чайником с крутой заваркой и чайником с кипятком. Он как раз наливал заварку в чашку. При виде начальника сыскной полиции его рука чуть дрогнула, но выражение лица не изменилось, словно приход Филиппова его не касался.

– Позвольте? – обратился начальник сыскной полиции к добровольному агенту и, не дожидаясь ответа, присел, положив шляпу на соседний стул.

Тут же подскочил половой.

– Что изволите?

– Пару чая и, пожалуй, блинов с икрой.

– Белужьей, паюсной, щучьей?..

– Щучьей, – Владимир Гаврилович улыбнулся назойливому половому, – и пошустрей. У меня нет времени расслаиваться.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.